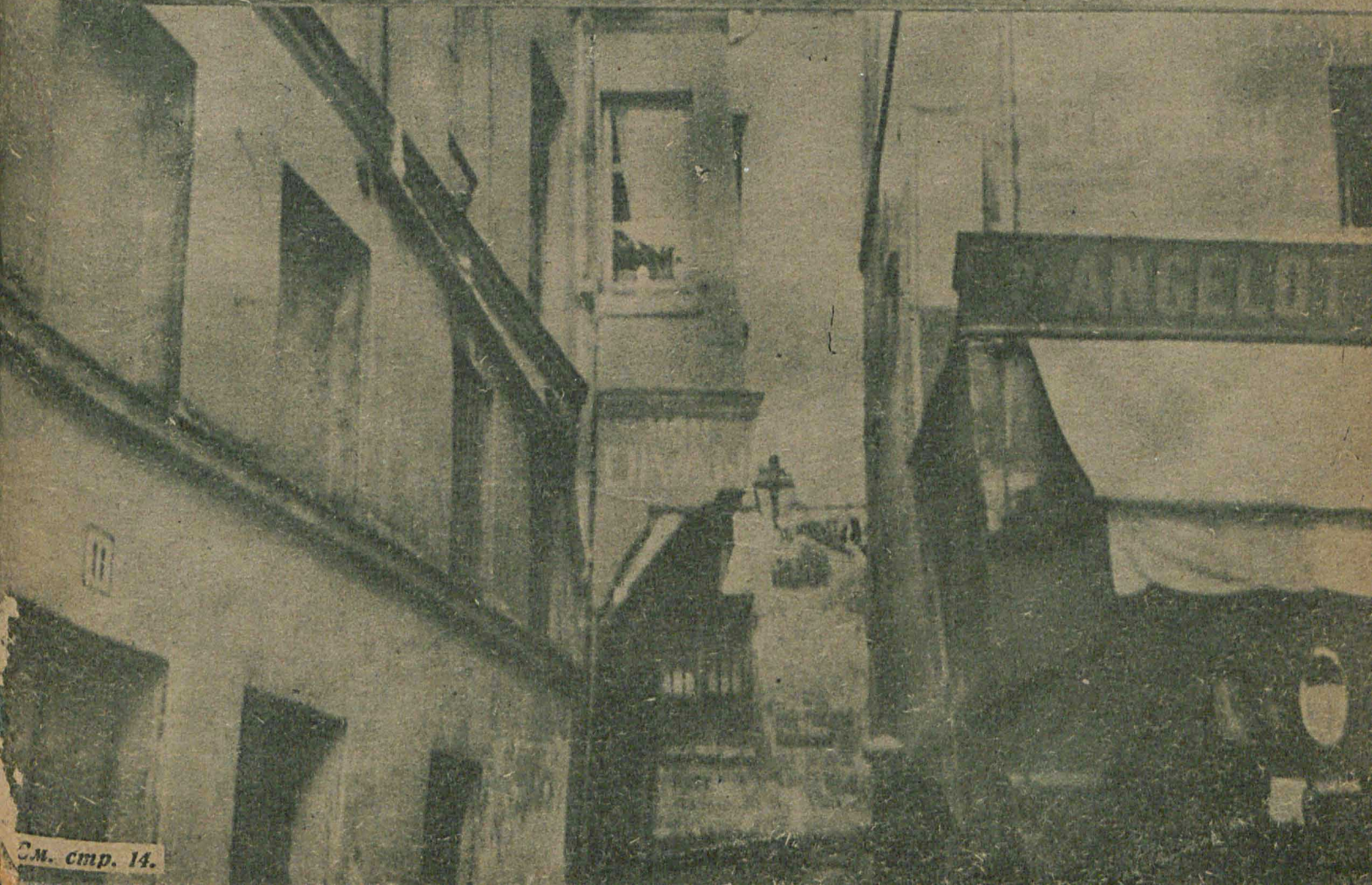

Библиотечная
П. П. ЛОДОВИЧЕНКО

УТИЛЬ— СУЩЕСТВЕННОЕ ПОДСПОРЬЕ В НАШЕМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ!

Сбор и заготовка утиля у нас в Союзе с каждым годом увеличивается. Так, в 1925/26 г. мы вывезли за границу утиля на сумму 2 млн. рублей, в 1929/30 г. уже на сумму 9 млн. рублей, не считая утиля, переработанного нами на наших фабриках и заводах в полноценную продукцию стоимостью на многие десятки миллионов рублей. И все же это крайне недостаточно: у нас возможности в этом отношении огромны и этих возможностей мы, к сожалению, не используем и наполовину. При большей нашей активности и при лучшей постановке этого дела мы могли бы дать стране немалые дополнительные ресурсы. При надлежащей организации сбора и заготовки утиля мы могли бы ежегодно за экспортный утиль получить из-за границы машины и тракторов на сумму 60 млн. рублей. Сумма внушительная! Это обязывает нас обратить самое серьезное внимание на эту статью дохода и шире развернуть работу по сбору утиля.

Каждый советский гражданин может и должен уделить этому вопросу свое внимание и сознательным активным отношением к нему помочь государству укрепить экономическую мощь и ускорить таким образом построение социализма в нашей стране.

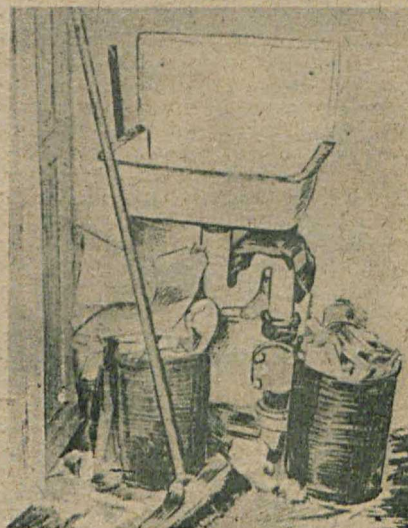
Если каждый из нас уделит одну минуту в день делу сбора утиля, все отходы и отбросы от населения будут собраны и использованы и советское хозяйство получит дополнительно на сотню миллионов рублей сырья для промышленности и вывоза за границу.

Особое внимание этому делу должны уделить наши городские и сельские организации — профсоюзные и общественные, ячейки комсомола, школьники и пионеры. Помогая государству, одновременно организации эти могут иметь дополнительные средства на укрепление своей организации: каждый средний дом может дать утиля на 30—50 рублей ежемесячно!

Не откладывая этого дела ни на один день, за работу!

УТИЛЬСЫРЬЕ нижеперечисленное **ПРИНИМАЮТ** заготовительные организации („Всеутильсырье“, промкооперация, потребкооперация и др.) по установленной цене:

- 1) Тряпье хлопчатобумажное и обрезки всех цветов.
- 2) Тряпье льняное (холщевое) и обрезки.
- 3) Дерюга и рядно.
- 4) Шерстяное, суконное тряпье и обрезки.
- 5) Брак всякого рода тряпья.
- 6) Маслостойкая салфетка.
- 7) Кошма и бурка из овечьей и верблюжьей шерсти.
- 8) Войлок и валенки.
- 9) Шубный овчинный доскут (без голяка).
- 10) Льнопеньковый капат, веревка, чуни (крестьянские лапти, плетеные из пеньковой бичеви), сети, новые концы шпагата.
- 11) Льняной и пеньковый охлоп.
- 12) Пахла пеньковая и льняная.
- 13) Рожонная рвань без гнили, не почерневшая.
- 14) Разные резиновые изделия.
- 15) Кооть как жирная, так и вываренная в кухнях, а также собранная на полях, в оврагах и т. д.
- 16) Рога бычьи и коровьи без паленых концов, гладкие, без трещин, не ломанные, не перусенные.
- 17) Рога бараньи и козьи.
- 18) Копыта, как выбитые, так и не выбитые с костей.
- 19) Брак роговой.
- 20) Бумага старая—макулатура—рваная и испачканная, но не замасленная.
- 21) Старая металлическая посуда (кроме эмальированной), всякий лом металла черного (железо и чугун) и цветного (медь, свинец, олово, цинк, алюминий).
- 22) Старые использованные, но целые бутылки и пузырьки.
- 23) Старые, но целые, не горелые пробки.
- 24) Всякое битое стекло.

**Дадим стране дополнительные средства!
Укрепим нашу социалистическую стройку!
Закончим пятилетку в четыре года!**

Собирай повсюду
Небитую посуду,
А стеклянный бой
Собирай само собой!

Собирай рогами,
Которые гожи!

Не бросай ни пробку,
Ни старую коробку—
Все сдай в утиль!
(Бросай только гниль!).

Не будь заядлым спорщиком,
Не спорь за старье:
Сдай утиль сборщиком
В Всеутильсырье!

М. ГОРЬКИЙ

ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Предисловие к серии романов *

Если читать Руссо, Канта, Фихте, Шеллинга, Томаса Карлейля, Маколей, Макса Штирнера, Прудона, Бакунина, Кропоткина, Фридриха Ницше, Лаврова, Михайловского, Константина Леонтьева,—если читать только этих авторов из десятка созвучных им,—мы получим впечатление очень мощного хора, который непрерывно и на весь мир поет гимн личности, гимн индивидуализму. Десятки крупнейших мыслителей XIX столетия посвятили таланты свои делу вооружения личности на борьбу за ее „счастье“, за ее благосостояние, ее „приоритет“, главенство в жизни, в истории. Буржуазия строила паскудное царство свое на жесточайшей конкуренции, ей требовались крепкие, беззастенчивые люди. Не помню кто, Трейчке, или Моммзен сказал: „Немец должен быть самым сильным человеком Европы“. Это мог сказать любой из них, это говорили Бисмарк и полумный Вильгельм II, этого, кажется, не говорили так просто англичане и французы, но и они, как вся буржуазия Европы, стремились воспитывать „сильных“, крепких людей. К тому же, дошелевелилась „толя“, и для нее требовались „герои“, вожди. Их тоже пужно было воспитать так, чтобы они не отвели „толпу“ куда-нибудь влево с той дороги, по которой шла буржуазия.

„Героя я ищу... не странно ль это, когда у нас, что месяц, то герой!“—иронически восклицал в 1821 г. Байрон, один из величайших „лишних людей“ начала XIX в. Байрон иронизировал, а виконт де Бональд мрачно ворчал: „Вспоминаешь слова папы Пия XI: „У нас каждый холоп может стать королем“. Бональд, один из могильщиков революции, проповедывал „закон троичности“, выдуманной им. По этому закону бог—причина, мир—следствие. Христос—орудие, посредине между богом и миром; в человеке—душа—причина, члены—орудие, следствие—воспроизведение жизни. Бональд соглашался с Руссо в том, что человечество пошло по неверному пути и что вся культура нового времени—культура ложная. Все научные открытия, изобретения или никому не нужны, или прямо вредны, а все, что нужно человеку, открыто ему учением церкви. Кроме Бональда, такие же реакционные идеи проповедывали роялисты Баллаинг, граф Жозеф де Местр и многие другие,—для всех их очень характерно отрицательное отношение к науке, к технике, отношению, которое начинает возрождаться в мозгах буржуазных „мыслителей“ наших дней.

Слова папы Пия XI Бональд вспомнил в годы наполеоновских войн, когда дети трактирщиков, бондарей, торговцев, прачек становились королями, герцогами, генералами, а подлинные короли уже начинали служить приказчиками и холопами буржуазии; в парламентах заседали „управляя судьбами народов“, лавочники, адвокаты, авантюристы. „Управление судьбами народов“ сводилось к придумыванию „нациями“ планов взаимного ограбления и методов наиболее суровой эксплуатации труда рабочих масс.

Выше было указано, что литература XIX в. не заметила столь решительного перемещения фигур, не остановила своего внимания на выходящих из массы, не признала их героями, достаточно интересными для романов. Случилось так, что литераторы, как будто заболев социальной глухотой, о которой говорил Оберман, не услышали гимна герою, гимна, который должен был воспитать героев. Они обратили свое внимание на молодого человека средних качеств и в продолжение целого столетия изображали под разными именами и фамилиями все одно и то же лицо. Они так часто писали портреты его, что он, повторенный сотни раз, уверовал в „неповторимость личности“. Разумеется, Чацкий, герои Байрона, „Сны века“ Альфреда Мюссе и Печорин внешне не очень похожи на таких уральцев, как Обломов, Нехлюдов, Оберман, Адольф, но все же они—дети одной матери. Жюльен Сорель, Раскольников, Грелу—их родные братья, но, разумеется, смелее и активнее; эти трое, проверяя „исключительность“ свою, останавливались и перед убийствами. Старшие братья Карамазовы имели духовных братьев своих среди немецкой молодежи XVIII в., и если С Карамазов-отец внимательно прочитал пьесы Шиллера „Дон-Карлос“, „Разбойники“, дети были бы более понятны ему. Общее и неоспоримое, что роднит почти всех героев европейской и русской литературы XIX в., это,—кроме их социальной слепоты и глухоты,—пристрастие к бесплодным размышлениям в условиях полного безделья. Западные поклонники и последователи Руссо, воображая, что они живут чувством, погибали, отравленные мыслью, сила которой тратилась ими на исследование таинственных глубин их собственного „я“. „Познание непознаваемого“—точнее, непознанного—одно из очень милых развлечений, но практические результаты оно, может быть, даст только тогда, когда это будет не развлечением единого, а серьезным делом многих тысяч людей. Как все на свете, даже мыльный пузырь заслуживает изучения, но бесполезно писать биографию человека, который существует еще только в стадии зародыша. Индивидуальности существуют, но гармоническая индивидуальность возможна будет лишь тогда, когда интеллектуальное и эмоциональное развитие личности не будет ограничиваться, искажаться идеями нации, класса, церкви, условиями непрерывной и беспощадной борьбы всех со всеми, волчьими условиями жизни современных рабов капиталистического строя.

Известно, что Россия была, как всякое классовое буржуазное государство, построена по типу зоопарка. В буржуазном государстве,—повторяю еще раз,—человек живет в напряженном состоянии непрерывной заботы о личной самозащите от ближних своих, в постоянном стремлении к самовооружению, к защите деньгами, в желании сменить его на другое, более высокое, к натачиванию охраняющих „права личности“ идек и штыков, в заострении индивидуализма.

В России люди были еще крепче заперты в тесные клетки „сословности“. Народ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

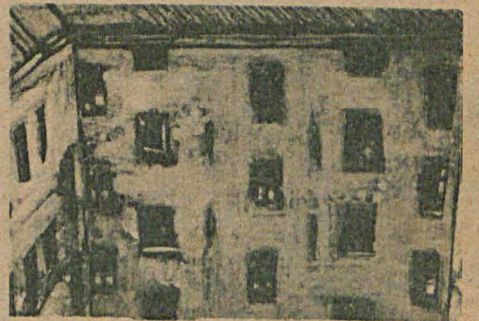
Как живут „германские Филипповы“

Обложка № 48 журнала „АИЦ“, посвященного фотоповести о „немецких Филипповых“. На снимке: рабочий-отряпатель Фурнес (второй слева) со своими товарищами

Парадные фасады—только лицевая сторона медали. А вот...

...черный двор дома на Ковалингштрассе, где живут рабочие

Товарищ Фурнес-отпа: свыше года они не могут найти себе работу

* Начало см. в № 34 „Огонька“

Как живут „германские Филипповы“

Фурнес-мать вынуждена стирать белье в сыром погребе при керосиновом освещении

Велла Фурнес—равнозначка посуды для керосина

Мария Фурнес работает в мастерской магазина готового платья

Вальтеру Фурнес, безработному, приходится сидеть часами в ожидании грошового пособия. 42,5% рабочих и служащих Вердена разделяют его судьбу

был совершенно лишен каких-либо прав. „Картина жизни“ этого народа очень ярко написана историком Ключевским, но гораздо более правильно тов. М. Н. Покровским. Очень много дал для понимания жизни трудового народа сын дьячка и крестьянки профессор Афанасий Щапов, один из замечательных „лишних людей“ буржуазии; его честность и талантливость послужили для царской власти поводом сослать его в Сибирь, где он 46 лет от рода и погиб в нищете. Он в сущности первый ясно и твердо поставил вопрос о месте и значении трудового народа в истории России. Он говорил: „Когда я изучал историю Устрялова и Карамзина, мне показалось странным, почему в истории этой нет истории масс, истории так называемого простого, черного народа. Разве это огромное большинство не имело значения для развития нашей страны?“ Но во взглядах Щапова было нечто от церковной догматики, и на этот недостаток его мирозерцания правильно указал другой „лишний“ и тоже преждевременно погибший человек—Н. А. Добролюбов. Очень трудно перечислить количество „лишних людей“, которые родились в среде русского дворянства и мещанства и которых дворяне и мещане вытеснили, выдавили из своей среды, а самодержавие—уничтожило.

Буржуазный, мещанский индивидуализм—стремление личности к самообороне против всестороннего гнета буржуазного классового государства, основанного на конкуренции, на борьбе единиц за удобное, командующее место в жизни. Индивидуализм, вызванный к жизни классовым строем, не может не ограничивать свободное, всестороннее развитие личности, не может создать ту индивидуальность, которая неизбежно рождается в социалистическом государстве равных. На войне нет времени чистить ногти, и по этой же причине невозможно заниматься делом „само-совершенствования“ там, где все силы единицы тратятся на самозащиту.

Русская интеллигенция росла и развивалась в условиях совершенно зверских, это неоспоримо. Европейская буржуазия не угнетала, не оскорбляла своих интеллигентов так гнусно и грубо, как самодержавная власть Романовых и полудикой русский буржуа. Русская интеллигенция имеет право гордиться обилием и разнообразием своих талантов, она может сказать, что была самой свободомыслящей силой XIX века.

И все же клеймо буржуазной классовой психологии, глубокая татуировка зоологического, мещанского индивидуализма глубоко в'елась в плоть ее. Значительная часть ее оказалась органически неспособной понять всемирное значение Октябрьской революции, органически враждебной революционному социализму Ленина. Она пыталась продать свою страну, свой народ буржуазии Европы, она способствовала истреблению сотен тысяч рабочих и крестьян в гражданской войне.

И вот теперь мы видим, как эта часть интеллигенции в эмиграции озверела, отупела, позорит себя гнусной клеветой на свой народ, воет волчьим воем, призывая на голову его все беды и напасти, все „казни египетские“. Едва ли в истории человечества найдется поведение более позорное, чем поведение „интеллигентов“ русских, обитающих в Праге, Париже и других грязных гнездах европейской буржуазии.

Вероучители победоносного мещанства с начала и на протяжении всего XIX века стали воспевать индивидуализм, воспитывать сильных, крепких людей, но в то же время XIX век,—век мощного развития науки, техники, промышленности, торговли деньгами, век бесчеловечной цинической эксплуатации белых и цветных рабочих всей земли.—этот век был веком широчайшего

развития пессимизма, учения о бессмысленности жизни. В философии он дал столь ярких выразителей его, как Шопенгауэр, Гартман, Леопарди, в поэзии—Байрона, Ленау, Мюссе, Лермонтова, Боллера, Сологуба, называю только самых крупных выразителей пессимизма. Это настроение безнадежности не чуждо было Гете—в „Фаусте“, Шиллеру—в „Дон-Карлосе“ и „Валленштейне“. В прозе пессимизм тоже имел десятки талантливейших выразителей.

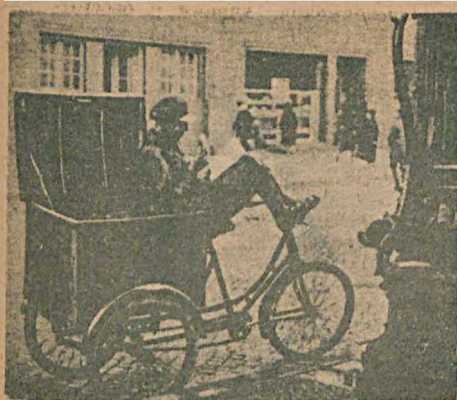
Все указанные здесь противоречия, все путаница умозрительных размышлений, все социально-экономические причины вырождения и банкротства мещанского индивидуализма будут сказаны в предисловиях к томам „Истории молодого человека XIX столетия“. Вероятно, уже нет надобности говорить о том, почему наша молодежь должна ознакомиться с этой историей. Но все-таки напомним в нескольких словах,—почему именно. Не говоря о том, что в каждом из нас все еще живет ветхий Адам мещанства и в каждом есть более или менее тяга к устройству личного благополучия за счет чужой силы, т.-е. воспитанный веками волчий индивидуализм еще не издох, в наших современных условиях реконструктивного периода существуют кое-какие возможности развития индивидуализма. Это надобно знать и твердо помнить. Пролетарская рабочая молодежь, так героически строящая социалистическое общество, где личности будет предоставлена полная свобода развития всех ее качеств, пролетарская рабочая молодежь должна хорошо понять различие между необходимостью воспитания новой, социалистической индивидуальности и уродующим человека животным, звериным индивидуализмом мещан. Она должна следить, чтоб на ее здоровом, мощном теле не разрослось то дикое мясо, вернее та раковая опухоль, которая обессилила, вызвала внутреннее загнивание мещанского мира и окончательно разлагает его. Молодежи нашей следует понять очень простую вещь: дети должны быть умнее, сильнее своих отцов, они будут такими, если хорошо ознакомятся с ошибками прошлого и глубоко освоят все лучшее, жизнеполезное, что придумано отцами, начато ими, что исторически, идеологически неизбежно истекает из их сурового революционного опыта.

Наступил момент, когда и слепым, и глухим должно быть совершенно ясно, что безответственная кучка грабителей чужого труда, организация паразитов человечества грозит разрушить культуру, которая создавалась не только физическим трудом рабочих, но и талантливейшими выдвиженцами рабочей массы во все области творчества. В наше время можно не вспоминать о Фарадеех и Ломоносовых как счастливых исключениях—пролетариат Союза Советов эти исключения делает обычными. Буржуазия Европы и Америки, провокаторски вызывает то там, то тут стихийные взрывы неорганизованных сил. Вожди социал демократии превратились под влиянием всемирного мещанства в цепных и комнатных собак его. Единственной силой, способной организовать классовое революционное сознание пролетариев всех стран, является III Интернационал. Рабочий класс Союза Советов—его передовой отряд, и по праву первого, одержавшего победу над грабителями мира, должен быть и является учителем миллионов своих братьев по классу, по духу.

Но плох тот учитель, который не учится или учится мало. Нет оружия более острого, чем знание, основанное на трудовых процессах, на изучении прошлого человечества. Для того, чтобы смертельно бить врага, необходимо хорошо знать врага.

Как живут „Германские Филипповы“

Очерк Н. ЕРМАКОВА

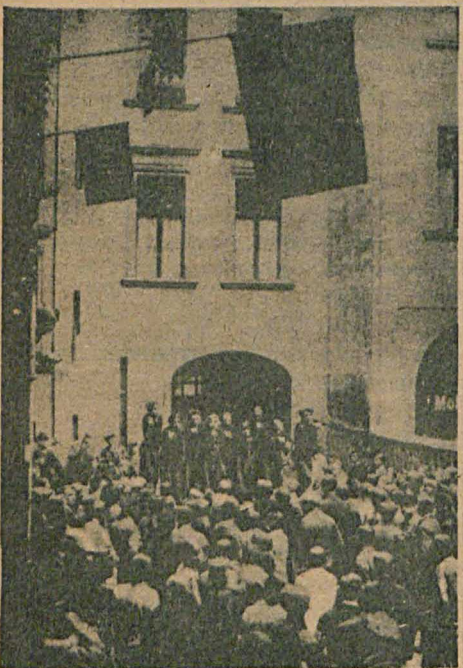
Ганс Фурнес во время обеденного перерыва посылает себе короткий и неудобный отдых

Мария Фурнес во время перерыва выбегает на улицу, чтобы выпить в будке стакан молока

Фурнес-отец вместе с другими рабочими „закусывает“ во время перерыва

Праздничные дни—для революционных рабочих дни борьбы и агитации за лучшее будущее. Ганс Фурнес среди товарищей на митинге в рабочем квартале

Московский металлист-ударник Николай Федотович Филиппов проснулся однажды знаменитым. Бригада фотографов (А. Шайхет, М. Альперт, Л. Межеричер), по поручению немецкого иллюстрированного журнала „АИЦ“ произвела серию снимков из его жизни, из жизни его семьи. В № 30 „Огонька“ за этот год уже говорилось о том, какой шум наделала на Западе в широких рабочих кругах эта серия снимков. Социал-фашистская печать поспешила объявить „фальшивками“ всю серию фотодокументов, показывающих жизнь *средней* рабочей семьи красной столицы. Филиппов стал получать множество писем от пролетариев Запада с запросами, действительно ли ему так живется.

Чтобы подчеркнуть контраст между жизнью советских Филипповых и германских, „АИЦ“ в № 48 поместила новую серию столь же беспристрастных фото-документов, как московские *д-жизни* Филипповых.

Семья Фурнес живет в сердце пролетарского Берлина—на Кезлинерштрассе. Улица как улица: пятиэтажные чистенькие фасады смотрятся в асфальтовую гладь тротуаров и мостовых. Но это внешняя, показная сторона. А войдите во двор—и вас обдаст сыростью, плесенью, смрадом и темнотой черных извилистых лестниц.

Фурнес и его жена въехали в неприветливую квартиру дома № 10 и надеялись, что позднее они выбьются и переедут в лучшее жилище. Но шли года, потомство увеличивалось, жизнь дорожала и параллельно с этим все больше и больше терялась надежда на улучшение жилищных условий. Квартира большая, но населяют ее четыре семьи, и она далека от обычных представлений о прославленной германской гигиене.

Правда, в комнатах Фурнесов чисто и опрятно; жизнь концентрируется в маленькой кухоньке. Комнатки такие маленькие, что кровати вплотную придвинуты одна к другой, а три парня спят вместе вповалку на одной кровати.

В пять часов утра звонит будильник. Начинается рабочий день. Отец Фурнес, рабочий-строитель, готовится идти на работу. Фурнесу-отцу, несмотря на его шестьдесят один год, каким-то чудом удалось попасть на стройку. К сожалению, здание скоро будет готово, и Фурнес потеряет работу. Что с ним будет дальше, какой печальный закат ждет этого скромного труженика?

Итак, старик Фурнес отправляется на работу. Собираются и дети. Восемнадцати-

летний Вилли развозит на тележке посуду для керосина, зарабатывает за 9-часовой рабочий день 20 марок в неделю. Дочь Мария—портниха в магазине готового платья—работает за аккордную плату. Труд ее ненормирован. Часто она сидит с раннего утра до десяти часов вечера за швейной машиной, и заработок ее колеблется между 16 и 18 марками в неделю. Гансу 23 года. Он развозчик газет на велосипедной тележке. День его также ненормирован. Ему приходится проделывать в неделю до 250 километров, везя тяжесть в полтора центнера. За эту изнурительную работу он получает около 35 марок в неделю.

Младший—Курт—слесарь-подмастерье на предприятиях Всеобщей компании электричества: он учится в заводской школе, и его заработок очень незначителен—девять марок в неделю. Хуже всего—Вальтеру. Он один из пяти миллионов резервной армии труда. Он знает стояние в долгих очередях на бирже труда, беготню за пособиями. Он получает всего 50 пфеннигов в день (25 копеек на наши деньги).

Все заработки семьи Фурнес, в том числе и отца, который пока еще приносит около шестидесяти марок в неделю (120 руб. в месяц на наши деньги—самый большой заработок в семье), складываются в общий котел.

Фото-документы „АИЦ“ иллюстрируют семью: утром, перед уходом на работу, мать может предложить мужу и детям маленькие бутерброды с маргарином и чашку искусственного кофе. Обед—водянистый суп, немного овощей, мясо—редкое праздничное блюдо.

Повторяем: если семья Филипповых—средняя рабочая семья Москвы, то семья Фурнесов—исключительная по „благополучию“ пролетарская семья Берлина. Она пока еще, благодаря напряженному труду пяти человек, сводит концы с концами, она пока еще спокойна за сегодняшний день. В завтрашнем нет уверенности. Кризис душит капитализм, капитализм душит рабочий класс.

Каков выход из положения? „АИЦ“ отводит в своей серии две страницы—борьбе за лучшее будущее. Освобождение от гнета капитализма—это дело самой семьи Фурнесов и сотен тысяч подобных семейств. Вилли, Ганс и Курт—три члена семьи Фурнеса, классово-сознательные молодые рабочие, и в тот день, когда они понадобятся для баррикадных боев, они примут в этих боях участие. Они не из книг, а из жизни получают уроки классовой борьбы.

Вилли и Курт раздают революционную литературу в деревне

Вилли, Ганс и Курт Фурнес, классово-сознательные рабочие, отправляются в деревню под Берлином

Плохой на цехового дядю

Н. Ляшко

Рассказ

Вон тот, что удочку закидывает, это Владимир Степанович Сампсонов. Глядите, сразу голавлика поймал. Надо поздравить.

— Дяд Володя, с удачей!

Заметили, как улыбулся? А недавно всех избегал и хмурый, хмурый был. Это особенный человек. Да как вам сказать? Есть порода людей, которых с малолетства и до седых волос зовут Ванями, Степами, Федями. В чем тут дело, я не могу сказать. Они какие-то застенчивые, откровенные, как будто глуховатые, а главное—заразные, т.е. при случае их легко подбить на плохое и хорошее. Они любят хвататься за особенные дела, а не достанет силенок, горюют и чуть не плачут.

Вот из таких будет и Сампсонов. Ему под пятьдесят, а не повезет в чем, потемнеет, из колеи выбьется. Над ним трунят, посмеиваются, шутят, как мальчишку называют Володей,—он все мимо ушей, будто так и надо.

Сампсонову, правда, повезло: Володей он ходил у нас лет двадцать, а потом его начали дядей Володей звать. Сам он не заметил этого повышения,—мы открыли ему глаза:

— У тебя,—говорим,—теперь полон цех племянников и племянниц.

Испугался.

— Это что-ж они, для насмешки надо мной?—спрашивает.

Замечательный, совестливый дядя, дело знает на ять, работает на славу, но познакомиться с ним пришлось. Почему? О, это целая история, только вы ничего не поймете в ней без одного пунктика.

В молодости дядя Володя на всякие удалчества кидался, но гордость сломал на карамели. Ему хотелось сделать такую карамель, чтоб все ахнуло, какой, словом, еще не было. А дело это нелегкое. Пустяк будто—карфель-то,—а вот выдумай, удиви. Сколько раз ни брался Сампсонов за это, не выходило, только мозоли набивал. Над ним потешались, называли его профессором кислой ваксы. Да. От этих неудач забродила в нем мыслишка, будто он вообще недотепа. Дальше—больше, опали у него крылышки, и стал он во всем равняться по людям: „Куда, мол, я лезу? Или мне больше всех надо?“ Остепенился, и до того дошел, что сам шагу не сделает. Чуть что, сейчас же:

— А как другие? Как люди?

А что люди? Все, будто, одинаковы, но всяк на свой манер. Жизнь бежит, вертится,—успевай только головой работать. Иной раз прямо зло брало на дядю Володю. Сегодня, к примеру, 15-е число, а он делает что-нибудь так, как люди 10-го числа делали. Всегда, словом, в хвосте. И будь он плохим работником, так, поди, людским прихвостнем и в социализм вошел бы, не споткнулся.

Видите, наша фабрика со стороны может показаться сносной, на самом же деле у нас дыра на дыре, а трещинам и счету нет. Ваять хотя бы ударничество. В связи с ним у нас все было—и шум, и под'ем, и трескотня, что мы передовые, ударные. Иные дяди у нас даже на печку вздремнуть забирались: все-де у нас ладно и великоленно. Потом эту дрему начало подмывать, размывать, а откуда водичка взялась, сразу и понять трудно было.

Карамель все хуже, нормы кувыркаются, спотыкаются. Ни с того, ни с сего сырье не окажется, пойдут запинки, поломки. Остановимся, поохаем, а толк опять бескозырный.

Начали мы раскручивать все это, добрались до главных узлов—батьюшки-матушки! Нас много, чуть не все мы ударники, премированные есть, а соревнуемся чуть не с господом богом. И договора у всех в роде клятв: обязуемся делать то-то и то-то, просим соблюдать то-то и то-то,—и точка. Кто с кем, как, почему,—об этом ни буковки, ни запятой.

Стали у час в набат бить, кое-кого взгреть, бригадиров соорить, о нормах, об ответственности говорить, на черную доску нажимать. Газеты вспались, сюда-туда,—и пошло дело.

Вот тут-то и всплыл Владимир Степанович Сампсонов, т.е. дядя Володя. Работал он в самом неладном углу цеха. Люди по-

добрались там какие-то створчатые: на словах ударничают громче всех, а на деле жнут, когда сесть надо. Такие везде попадают: кулаками в груди стучат—„мы ударники! Мы пот и кровь ведрами государству льем!“—а дела не видно.

В других местах цеха ребята на прогулы оцетинились, выработку подняли, вокруг же дяди Володи хоть кинь, хоть выбрось. Ну, собрали их, стали доискиваться, почему да отчего. Они мнутса, неполадки ругают и выгораживают себя ходом машин: у тех, дескать, кто больше делает, машины быстрее ходят, на наших же, хоть допни, больше не сделаешь. Говорили, говорили,—во всем чисты. А напоследок на Сампсонова кивают:

— Не верите нам, у дяди Володи спросите.

Все, конечно, к нему:

— Ну, дядя Володя, как по-твоему?

Рукопожатые

Вечер декабрьский на землю сползал,
Темнели афиши на низких заборах.

Нашего клуба высокий зал

Наполнен

шуршаньем гимнастерок.

На стенах горят

боевые плакаты:

„На выполнение плана нажмите“...

Встал, откашлявшись, председатель:

— Товарищи, разрешите...

Первое слово—к итогам нашим,

К итогам истекшего года,

Имеет товарищ Кондратин—

Директор завода.

Голос упал над гущей голов,

В зал несмолкаемых аплодисментов.

— Я скажу вам несколько слов

О выполнении плана в процентах.

За этот истекший год

(Директор рукой, как веслом, качает).

Мы выполнение плана всего

Стопроцентное намечали.

Но в цифрах учебных сводок

(Я ничего не желаю скрыть)

В первом же квартале над заводом

Повис прорыв.

Мы по заказу шестьсот деталей

Не сдали фабрике „Ильича“,

И сердце завода в горячем накале,

И каждый плакат о прорыве кричал.

Вызвал формовочный весь завод

Две смены работать.

Дали делу широкий ход,

Без поворотов.

Загудели сильней корпуса,

Выверив цену вызова!..

— Слово имеет комиссар

... полка ОГПУ,

И-ской дивизии.

Расправил алые петлицы:

— Я, товарищи, на одном

Хочу остановиться.

Было так:

При больших походах,

По проселкам и большакам

С полной выгрузкой

Проходили взводы

Шагами железными большевика,

Брали закалку на нехоженных тропях,

Ветер и пыль ударили в лицо,

Но только на тяжбу не высказал ропота

Ни один из бойцов.

Каждый выволакивал волю, ссоровку,

И свидетельствуют о ней

Усвоение боеподготовки

На „хорошо“,

Слабых нет.

Договор, который мы заключили,

Выполнен не на словах.

На этом, товарищи,

Я кончаю,

Но разрешите заверить вас

В годовщину ОГПУ:

Если враг к нам в страну полезет—

Наглость его оборвут

Наших войск штыковые лезвия.

— Вечер окончен,—сказал председатель.

Шефская дружба крепкая...

Застыли в горячем рукопожатии

Рука комиссара,

Рука директора.

Федор Морозов
(литударник „Огонька“)

Он следом за другими, на неполадки кивает, пераспорядительность кроет, на ход машин ссылается. Говорит твердо, по-настоящему, только глаза отводит в сторону. И не обратил на это внимания и даже пожалел его: такого-де хорошего мастера поставили на паршивую машину, голово-тщи.

На собрание я попал случайно, и делать мне там нечего было. Вышел, разговорился с одним товарищем, и решили мы помочь Сампсону перейти на хорошую машину. Ладно. Являемся к нему на другой день во время работы, глядим, расспрашиваем и наткаемся на штучки, каких и не ждали: вокруг Сампсона что-то вроде сговора: не торопись, работай, как работали, «работа дураков любит».

Тому, чтобы Сампсону был в сговоре, я не поверил и завязываю с ним разговор. О прежней жизни слова сею, о соседях его расспрашиваю и намекаю, что есть у нас не то ходуи чьи-то, не то волянички: сами в болоте сидят — и фабрику к стыду тянут. Он соглашается, кивает. И дальше намекаю: есть-де еще у нас честные, хорошие, но идут за ходуями и воляничками. Вижу — перестал он кивать и работает суетливой. «Так, значит, думаю, а самому тошно: такой советливый, не соврет, не скроет, а поддался шутере и в грязь сел».

Другого махнул бы я с плеча подальше куда и поднял бы шум о подлости, а тут удержался.

— Надо все с умом сделать, — говорю товарищу, — так сделать, чтоб люди только за ушами почесали.

Тот соглашается. Осмотрели мы еще раз машины, перебрали глазами всех людей, прицелились, несемся в фабком и рассказываем. Там удивляются и репают сразу все в дугу гуать, т. е. расформировывать бригады. Мы заргачились и выкладываем свой план. Выслушали нас и благословляют обмени руками. Мы к мастеру, тот тоже соглашается. Поговорил я после работы со своей бригадой и являюсь на следующий день к машине Сампсона.

— Здорово, — говорю, — дядя Володя. Я тебя на соревнование вызвал. Чтоб тебе легче было, иди на мою машину. У нее ход быстрый, орудий с моей бригадой, а я с твоей останусь.

Заруминился он, слова сказать не может, а соседи его и бригадники на меня: где такие права завелись, чтоб перебрасывать таких ударников, как дядя Володя, который всем известен, который соревнуется, который...

— Да с кем же он соревнуется? — допытываюсь.

Отвечать нечего, а разговор все громче. Сам дядя Володя в пол глядит, молчит, в глазах ребячьи пятнышки бегают. Понял я, что не со зла попал он в эту глупость, и беру его за локоты:

— Врозь кукситесь, — говорю, — бери себя в руки, а то всех племянников и племянниц растернешь и на черную доску попа-

дешь. Не гоже тебе, такому королю, отетавать. Цех на выручку тебе идет.

Он молчит. Взял я его за локоть крепче да в сторону и спрашиваю напрямик:

— Или думаешь, никто не видит, в чем у вас дело?

Он и договорить не дал, тренькнулся, схватил меня за рукав и шепчет:

— Разве-ж я виноват? Это соседи меня товариществом опутали. «Держись, говорит, с нами, будь товарищем, не выличивайся, не будь дураком». Каждый день жучили, жучили, чтоб я под них на собрании дудел... А мне, знаешь, стыдно как-то, — неловко было подводить их...

— За это, — говорю, — товарищество вас бы головами о стену гладить надо. Мы вывозим, а вы виснете на нас, чтоб тяжелой было. Смывай с себя грязь, пока время есть. Был бы на твоём месте другой кто, не стал бы я хорошую бригаду на барахло менять. Рви паутину сразу.

Согласился он и пошел к моей машине. Эх, поглядели бы вы, как соседи и бригадники провожали его, — будто гвозди забивали ему глазами в спину.

Покряхтел я с его бригадой, и стали мы с ним соревноваться. Моим соседям и смешикам пришлось, конечно, волянке отставку дать, но дядя Володя шел напролом и часто делал больше меня. Покаялся, прощения просил, но прямо в глаза не глядел, на собрание не ходил. Вот теперь только начал опять улыбаться. Оживает.

Строй на стройке

Из повести

Ал. Карцев

Майское солнце обжигало безусые лица бойцов горячим румянцем загара, а полк все еще не мог выступить в лагерь: подготовка шла вяло и беспорядочно, с досадными, раздражающе-мелкими перебоями.

Жириный начхоз, доставшийся Стругову — по вому командиру полка —, в наследство — от прежнего командования, металла, как на пожаре, по казарменному двору, испуганно оглядываясь на окна кабинета командира.

— Что, жарко становится, товарищ начальник? — подшучивали над ним командиры и политработники, намекая на «баню», полученную начхозом от Стругова за медленный ремонт палаточного брезента.

— Федор Иваныч. — это тебе уже не ма-сленница, а?

Начхоз молча отмахивался и отдувался торопливо громыхал по булыжному двору к громадному каменному сараю. Оттуда, из-за высоких баррикад топчанов и коек, выносимых из казарменных корпусов, звонко разносился в утреннем воздухе ляг и стук инструментов, — там красноармейцы спозаранку хлопотали над перевозочным инвентарем полка. Обтирал платком багровые досыющиеся щетки и раскисшие складки шеи над замазанным воротником гимнастерки, начхоз суетливо шмыгал между бойцами, чинившими сбрую, косился начальственно на группу рослых парней, глядя, как они скрепляют передки и кузова повозок, потом, словно вспомнив что-то, торопливо назад, к крыльцу хозяйкоманды, напрямик, чавкая сапогами по навозной жиже, и уже с крыльца, спохватившись, опять кричал в сторону сарая:

— Железом-то, железом-то уже оковы-вай! Дорога-то, воп, никуда не годится, запустили совсем, чорта в зубы ихней бабushке...

Чьей «ихней» — завхоз не договаривал, может быть потому, что сам и не видел еще ни разу дороги, по которой предстояло полку идти в лагерь (начхоз был назначен

из другого полка всего полгода тому назад); вернее же всего, он просто побаивался договорить вслух очень пришедшуюся ему по вкусу фразу помощника командира полка.

Вчера вечером, когда начхоз в командирском кабинете растерянно оправдывался насчет брезента, убегай зрчками от пристальных под нахмуренными бровями глаз Стругова, в кабинет шумно вошел Бороздин, с хлыстом в руке, в густо залпанных брызгами грязи сапогах и галифе.

— Когда вернулся, Павел Петрович? — коротко спросил Стругов, протягивая помощнику руку и дружелюбно разводя ему навстречу брови.

— Две минуты назад, товарищ командир, — резко отрубил Бороздин, козыряя. — Как видите, и на чорта не похож, а не только на командира Красной армии.

Он развел руки, оглядывая себя, и оглянулся на начхоза:

— Ну и дорога!

— Что-ж так поздно? — спросил опять Стругов. Он говорил ровным спокойным голосом, словно не замечая возбужденного состояния Бороздина. — Ты ведь должен был выехать с лагерной стройки в восемь утра, а оттуда и пешком в пять часов можно урваться...

— Не по этой дороге, товарищ командир, не по этой дороге, — все так же резко и ворчливо заговорил Бороздин, грузно усаживаясь в плетеное кресло перед столом командира. — Ух, чорт, устал, как собака. То яма, то канава, то грязь непролазная, — глинистая ведь земля-то... А мост через трясины эту — за осиновою рощей — так, понимаете, разворочен, что и верхом чуть проехать, — а с повозками и думать нечего... И ведь перед самой деревней мост — безобразие! Нет, надо пажать... Ведь все почему, скажите на милость?

Он оглянулся на почтительно-молчаливую фигуру начхоза и с снисходительной, чуть-чуть ехидной усмешкой процедил:

— Мужичка-то у нас распустили, а мужички, значит, и дорожку запустили...

Начхоз блеснул залпывшими глазами и даже крикнул от удовольствия, но, покосившись на комполка, закрыл рот; лицо Стругова темнело, и брови опять хмурились над темными впадинами опущенных глаз.

— Пустилки говорите, товарищ Бороздин, — вежливо и сдержанно сказал он, не поднимая взгляда. — Деревни маломощная, я у них в годовщину Красной армии с докладом был... Помочь придется, — трудно, конечно, им одним...

— Помочь? Во-во, они только и дожидаются, — закивал Бороздин, хлопывая хлыстом по сапогу. — Я было взял в оборот секретаря сельсовета, а он, понимаете, заершился, огрызаться стал да и говорит: «Нам, говорит, дорога эта не пужна, мы в город крюком ездим, через село да лесом, а ежели красноармейцам надо — пусть сами и починяют». Понимаете, куда гнет, прохвост?

Стругов поднял глаза, коротко оглядел и вдруг сказал неожиданно жестко и внушительно:

— Я-то понимаю, а вот вы, товарищ Бороздин, очень плохо понимаете. Если секретарь сельсовета, допустим, прохвост, то откуда вы взяли, что так относится к нам весь крестьянская масса? Вам бы только...

Он рывком сорвал со стены телефонную трубку и отрывисто приказал штабу — срочно выслать на ремонт моста взвод красноармейцев, договорившись предварительно с председателем. Потом повернулся к начхозу:

— Прикажете тщательнее, ту же оковы-вать повозки железом. С палаточным брезентом тоже... побыстрее надо! За исполнением проследите лично и или помощник командира полка. Можете идти. И помните — через три дня полк выступает в лагерь окончательно.

Начхоз вышел, постоял за дверью, прислушиваясь, как будет комполка „разносить“ Бороздина наедине, но услышал в тишине только шелкаше крышки командирского портсигара (у Бороздина, — начхоз знал, — портсигар был кожаный). Потом несколько раз, с силой, чиркнула в кабинете спичка, и голос Стругова укоризненно и устало сказал:

— Эх... Бороздин, Бороздин... В лагерь вот дорога плоха, а твой, брат, дорога еще хуже...

На утро, когда начхоз, топчась по двору, торопил оковку повозок, к нему подбежал запылавшийся красноармеец из хозкоманды:

— Товарищ начальник, вас помощник командира полка требует. — И, пропуская начхоза вперед, добавил фамильярным шепотком:

— Серчает дуже...

Бороздин стоял в просторной комнате хозкоманды, угрюмо оглядывая длинные полотна нового брезента, медленно сползавшие на пол из-под стрекочущих швейных машин. Увидев начхоза, он молча поздоровался с ним и также молча выслушал суетливый рапорт о том, что через два дня пошивка брезентов будет „в общем и целом“ закончена.

— То-то и видно, что „в целом“, — ворчливо сказал он, когда начхоз кончил. — Из целого-то немудрено пошить, а прошлогодние палатки почему не ремонтируете?

— Никак нет, готовы. — Начхоз метнулся в угол, показывая на груды старых, местами заплатанных брезентов.

— Только-то? — удивился Бороздин: — это и все тут? — Он шевельнул брезенты сапогом и оглянулся. — Да ведь тут палаток — десятка на три, не больше. А остальные старые где?

— В кладовую сложили, товарищ командир, уж до того рваные. — Начхоз, разводя руками, сокрушенно демонстрировал размеры дыр на старых палатках, но Бороздин, круто повернувшись, коротко обрезал:

— Покажите...

В кладовой он долго нагибался к ворохам брезентов, разглядывая большие лохматые дыры, потом поднял к начхозу красное от натуги лицо и сердито мотнул головой:

— Это что же, по-вашему, все — хлам? А? Ерунда! По-казенному, а не по-хозяйски думаете, товарищ начхоз...

— Да как же, товарищ командир, чего-ж их ремонтировать. — на ремонт больше чем на новое пойдет. Ведь дыры-то...

— Что дыры? Вас никто и не просит ремонтировать. Но сколько тут, в старье, совсем здоровых, прочных кусков, ну?

Он наугад выволок из кучи светло-рыжий от времени брезент, перепустил в руках дырявые места и сейчас же выбрал, растягивая и расправляя широкую длинную полосу чистого, крепкого полотна:

— Ну? Это вам что — хуже нового?

Он мял в ладони твердый, плотный, как кожа, брезент, крепко тянул, дергал на разрез, потом, раздраженно топорща усы, перекидывал на руки начхозу:

— Ну? А на свет как?

Выходило, что и на свет — не хуже нового. Начхоз смущенно переминался на месте и отводил глаза.

— Так точно, товарищ командир... Придется пересмотреть, вырежем все крепкое... Так точно, слушаю...

— То-то „вырежем“... А сами о чем думали? Начать вам, видно, на народное достояние?... Значит, так: пока всего старья на вырезку не переберете — новые брезенты отложить. Понятно?

— Так точно, товарищ командир... Начхоз понуро сунул руку к шлему. — Приказано новое отложить, старое перебрать на вырезку...

Он пошел проводить помкомполка до дверей хозкоманды, и глядя в опоясанную ремнями плотную спину его, недоуменно соображал: „Вчера дорогу чинить не хотел, а нынче за старые палатки хватается... Разбери их, поди...“

Вечером прямо из штаба Бороздин опять поехал в лагерь. День, с утра солнечный, подушил дорогу, с бугров колеи земля мягкими корками разсталаась из-под копыт лошади. Бороздин глубоко дышал густым вечерующим воздухом, поглядывая на золотистые от уходящего солнца легкие перистые облака и чувствовал, как облегает, растворяется в полевом просторе его хмурь, как волнее, охотнее думается о лагерной жизни, о бодряще-свежих утренних пробуждениях в палатке.

Впереди, за поворотом дороги, тарахтели, слабо ныли, высокие кованые колеса. Бороздин издала различил полевую кухню и, сворачивая за ней на ведущее к мосту шоссе, догадался:

„Уже выслали — на починку“...

Кухню он обогнал уже у самого моста, и тут увидел, что мост не чинится, а строится заново.

С обеих сторон оврага спускались в болотистую тонкую низину равными шеренгами толстые свежестроганные сваи, а вокруг них, звонко перестукиваясь молотками и топорами, разбивались, взмахивали и опять гнулись над настилом помоста красноармейские выцветшие и повенкие гимнастерки, вперемежку с линиями пятнами крестьянских рубах.

Бороздин поискал глазами старшего по команде и нашел его у первых бревен настила. Плечистый комзвода Большаков рамашисто и азартно загонял крюк в свайную скрепу обломком железной штанги. Он не слышал, как подошел Бороздин, и даже оглянувшись на оклик, только заторопил, а не оборвал удары, пока пятью шестью замахами не вогнал крюк до самой головки. Тогда удовлетворенно разогнулся, бросил штангу и, словно наверстывая опоздание, бегом кинулся вверх по склону оврага, на-ходу застегивая ворот.

Через полминуты он стоял перед конем Бороздина, запылавшийся и горячий басистой деловитостью рапорта сдерживая полыхающий на потном лице задор.

— Сваи готовы, настилка будет закончена завтра, товарищ командир. По заданию — приказано закончить завтра до захода солнца, но выполним не менее чем на десять часов раньше, вследствие помощи крестьянства, организованного красноармейцем Калчуком.

— Что? Разве вы сами вышли? — нахмурился, не поняв, Бороздин.

— Сами, товарищ командир, по наряду от сельсовета. Но только Калчук за них принялся, значит, как уполномоченный от взвода по общему решению, — заулыбался комзвода, опуская руку от шлема.

— Объясните, — сказал Бороздин, спешившись и сел на притовленное для настилки бревно. Лошадь Бороздина, освободившись, подняла голову и звонко заржала навстречу подсажающей кухне. Люди у моста, оглядываясь, заметили командира. Топоры и молотки на минуту затакали медленнее, в разнотой, потом сильный, командующий голос настойчиво пронесся над оврагом:

— Да-вай, да-ва-ай!

И опять дружно застучали удары, закрипели, поворачивались, бревна. Комзвода, продолжая рапорт, одобрительно кивнул в сторону голоса:

— Здорово Калчук с ними управляетесь, товарищ командир! Он на той стороне, а — на этой. Он же поделить предложил — и просто ведь, и первый сообразил, что с двух концов быстрее пойдет. А насчет крестьянского населения, товарищ командир, то тут наши ребята все дело на до-

бровольность переиначили. Как пригнали, значит, тех по наряду, с бумажкой от сельсовета, — ну, комсомольцы из нашего взвода навстречу выкатились, поздравляют: „Вот, дескать, теперь общими силами — с мостом будете“, а из тех некоторые и бражки в ответ: „Чего, мол, изгиллетесь над людьми-то, нешто нам этот мост нужен? Шестой год без его живем, и все ладно, а приперло вам в лагерь ехать, вот и починка“.

— Так, так, — злорадно подкакнул Бороздин. — Ну, дальше...

— Ну, тут не стерпел кто-то из наших, да как рявкнет: „Врете, сукины дети!“ Смотрю — Калчук. Я ему, конечно, замечание насчет дисциплины, а он: „Во-первых, говорит, товарищ командир, разрешите доложить, что команды „смирно“ не было, а во-вторых, говорит, этой брехни и стерпеть нельзя. Разрешите, говорит, я им от всего взвода отвечу“. Ну, я вижу, ребята одобряют, команду „взвод — смирно, красноармеец Калчук — из строя десять шагов вперед — марш“. Вышел он — и давай... „Совестно, говорит, граждане, такую несознательность на восьмом году революции показывать. Работать вот вместе будем, а кому нужнее? Нам-то, — говорит, — на лагерное только время мост ваш и послужит, а вы, говорит, всю жизнь через него ездить будете. Чай, и сами не маленькие, свою пользу понимаете, а то почему же и пришли, коли не так?“ Тут это ему опять один из деревенских, с бородашкой, вроде дьячок: „Известно, говорит, почему, — по наряду“.

— А другие? А остальные что? — настаивал Бороздин, поднимаясь с бревна.

— Ну, конечно, шум подняли, товарищ командир. Один — за бороду, другие — против. Но только Калчук моментально всех успокоил, я даже вмешаться не успел. „Ах, так, говорит, — ну, нам таких не надо, мы по-добровольному только принять можем. Кто, говорит, добровольно желает с нами мост чинить, выходи к нам, а кто только по наряду — на месте стой“. Смотрим — выходит сразу человек двенадцать, все молодежь, а остальные мнутя. Ну, Калчук оглянулся на нас, хитро эдак сощурился да и говорит: „Выходит — кто остался, тому мост не нужен, и пользоваться им после починки, значит, не будете? Так мы нашего командира взвода попросим, чтобы он в сельсовет вот этих двенадцать парней по списку представил — пусть они только через мост и ездят, а остальные, значит, не нуждающиеся, по-прежнему будут через село да лесом о'безжать“...

— Здорово, — не удержавшись, сказал Бороздин. Повернувшись к мосту, он засмотрелся на ту сторону, напряженно разглядывая возившихся над сваями людей, но вдруг спохватился и сказал по-начальнически, сухо и коротко:

— Ну, кончайте скорей, товарищ Большаков. Я тороплюсь. Чем же кончились?

— А кончились определенно, товарищ командир, — уже не скрывая победоносной улыбки, забасил комзвода. — В две минуты почти-что всем скопом к нам перевалили! Осталось с десяток стариков да из баб кто поезде — и тех свои же на смех подняли: „Кройте, дескать, на восьмем верст крюку — туда да обратно, сторожа у моста поставим, а вас не пустим“... Вот и все дело...

Он оглянулся на расположившуюся за пригорком кухню и торопливо бросил руку к шлему:

— Разрешите итти, товарищ командир, обедом распорядиться. И так запоздало... Бороздин кивнул, отошел к лошади, сел и разобрав поводья, попрежнему глядя через овраг.

Там, заслышав голосистую команду комзвода, уже бросил работу. С шутками и смехом люди сбегали в овраг по мшисто-

му склону, еще освещенному косыми предзакатными лучами. По дну оврага, болотистому и темному, красноармейцы и крестьяне перебежали гуськом, перескакивая с кочки на кочку.

Бороздину видно было, как они, перебравшись, выстраивались внизу, перед отлогом склоном этой стороны оврага, потом разом, словно без команды, двинулись вперед, и сейчас же птицей взлетела над рядами песни:

„Мы—кузнецы, и дух наш молод“...

Впереди Бороздин сразу различил крижистую плотную фигуру Калчука; он шел уверенно, сняв шлем и машинально обтирая им широкий лоб, изредка оборачиваясь и по-дирижерски размахивал свободной рукой, легко и vaporисто поднимаясь в гору.

„Чем не командир“,—насмешливо подумал Бороздин. Снисходительно усмехаясь, он расправил запылившие усы, тронул коня и рысью поехал навстречу колонне.

„А ведь крестьян-то все-таки мало совсем“,—подумал он, подъезжал ближе и всматриваясь в ряды линиялых и зеленых красноармейских гимнастеров: только изредка пострели разноцветные крестьянские рубахи.

Колонна уже выходила на взгорье. Завидев Бороздина, Калчук быстро надел шлем, поправил пояс и, полуобернувшись, на ходу оборвал песню коротким взмахом. Ряды нестройно затихли—теперь слышен дружно, мерно шелестящий по траве топот ног. Калчук, полуоборачиваясь, спокойно и громко подсчитывал шаг с таким видом, словно ему приходилось делать это каждый день, и когда до подъезжавшего Бороздина оставалось не более полусотни шагов,—неожиданно сильно и раскатието кинул в ряды:

— Колонна, сми-ри-на-а!

Круто повернулся, бросил руку к шлему и лихо прошел мимо Бороздина, весь красный от напряжения, взволнованный и радостно приподнятый собственной смелостью.

Растерявшись от неожиданности, Бороздин оторопело натянул поводья и машинально поднял ладонь к козырьку. В первое мгновение ему казалось, что вся колонна поймет эту неожиданную самозванную команду, как шутку, как дурашливое молодечество—и сейчас, вот сейчас грохнут ряды дружным хохотом. Но мимо Бороздина, прямо и весело глядя ему в лицо, четким широким шагом шли в полном порядке загорелые, безусые и бородатые

люди, пахнущие свежим тесом, болотом и травой, с приставшими к плечам и спицам стружками,—и только теперь увидел Бороздин, что в линиялых, выцветших красноармейских гимнастерках шли не красноармейцы, а крестьянские парни,—почти все без поясов, иной босиком, но шагавший стройней и уверенней иного красноармейца, как человек, уже прошедший школу военной дисциплины.

„Отпускники“, догадался Бороздин, измученным взглядом провожая ряды, и вдруг, махнув рукой, закричал нелепо:

— Молодцы, товарищи! Поздравляю с успехом!

— ...Р-ра-а!!--голосисто рванула колонна.

Лица ушедших вперед тоже поворачивались к Бороздину, улыбаясь и широко раскрывая рты, и далеко впереди Калчук, забыв о своем начальническом положении, тоже повернулся и, пытаясь задом, орал в сложенные рупором лодыни.

Из-за редких берез на опушке рощи багряно пылало, погружалась в заречные травы, солнце. Молодые листья на деревьях влажно и матово блестели в гаснущем отсвете заката.

У дымящейся кухни комзвода Большаков уже выстраивал в общую очередь красноармейцев и крестьян.

Интернационал писателей

Прошел год с тех пор, как на конференции революционных писателей мира фактически оформилось Международное объединение революционных писателей (МОРП).

В 1927 г. возникло Бюро революционной литературы, созданное 30 писателями, в большинстве своем левобуржуазными, имевшими мало общего с пролетарским революционным движением. Прошло с тех пор четыре года, и вот ныне мы имеем тысячи писателей-революционеров, 22 секции МОРПа в капиталистических странах и десятки журналов.

В деле мобилизации масс для надвигающихся классовых боев в странах капитала художественное слово играет огромную роль благодаря своему непосредственному воздействию на массы и способности поднимать их на борьбу. Восходящие и нисходящие классы сосредоточивают свои литературные отряды по ту и другую сторону баррикад. По одну сторону в последние годы вырос уже мощный литературный красный фронт, все борцы которого—от писателей с мировым именем до рядового рабкора—проникнуты одной целью: служить своим пером делу идущего перестроить мир молодого класса, делу мировой социалистической революции.

Этот литературный красный фронт—интернационал писателей (МОРП).

Большинство литературных отрядов располагает своей печатью. В помощь секциям в капиталистических странах и для интернационального воспитания масс в СССР, МОРП печатает в Москве руководящий литературно-художественный и теоретический орган „Литература мировой

Журнал „Литература мировой революции“—центральный орган МОРП—на разных языках

революции“. Журнал этот выходит на четырех языках одновременно и устами известных революционных писателей и молодых рабкоров рассказывает зарубежному читателю, как строится социализм в СССР, и рисует перед советским читателем картины быта рабочих и безработных Запада, эпизоды классовой борьбы в Европе, Америке, Японии, Китае и других странах.

В рапорте к 14-й годовщине Октября МОРП четко обрисовал свои задачи и в первую очередь подчеркнул необходимость организации всех сил мировой революционной литературы на защиту СССР против интервенции империалистов и на борьбу с фашизмом, социал-фашизмом и белым террором.

По этим не исчерпываются задачи МОРП. МОРП должен организовать обмен творческим опытом между революционными литературами отдельных стран и передачу творческого и организационного опыта пролетарской литературы в СССР революционным писателям всего мира.

МОРП только тогда сможет осуществить поставленные перед собой цели, если он будет вовлекать в мировую пролетарскую литературу новые рабочие классы и помогать писателям, выходящим из среды мелкобуржуазной интеллигенции, включиться в борьбу против капитализма, совместно с революционным пролетариатом.

Прошел лишь один год со дня существования МОРП. Но он уже сыграл значительную роль для пролетарской революционной литературы. Красный фронт художественного слова выравнивается, организуются литературные силы, которые сыграют не последнюю роль в решающей схватке между трудом и капиталом.

Слепцы поют быт

Стихотворение Яр. Смелякова

Иллюстрации В. Козлинского

В городе тихо. Ветер
Уснул в заборах заставы.
Короткий московский вечер
Задуматься нас заставил.
Я вижу, у окон раскрытых
Сидят окруженные бытом,
Сидят побежденные бытом
Ударники наших заводов
И тихие счетоводы.
Одни читают газеты,
Другие домают печенье,
Третьи на дворик глазают,
Глазами лица развлечений.
Развлечение приходит. Протянутой рукой
Оно держится за поводья.
Так, обещание песни даря,
Во двор входит слепой.
Он останавливается. Слушатели вдруг
Врывают глаза, как стаканчики ртути.
Поводья глазами очерчивает круг,
Плюется и ручку холодную крутит.
Сначала спокойно она говорит
И тенором сочным, и резкой цыганкой,
Волнуется, пляшет, и плачет навзрыд
Шарманка, шарманка, шар-ман-ка.
Тогда, догоняя начало музыки,
(Слушатель требует: „Слышишь, пой!“),
Голосом чахлам, несмазанным, узким
Песню зауздывает слепой.
И песня дрожит, отряхнется гордо,
Она жива и тверда, как конь,
И песня лодкой плывет над городом,
Акробатом хватается за балкон:

„На далекой, далекой окраине,
где разбросаны клочья луж,
в небогатом домике крайнем
жил с женой и детем злодей-муж.
Они жили давно очень весело,
а потом он запьянствовал вдруг;
темной скукою занавесилась
их радость,—плохой он супруг.
Вот жена ему разорвалась,
вот ребенок ему надоел,
от жены с дитем он избавиться,
он избавиться захотел.
Раз гулял он зелеными рощами,
и придумал он так порешить,
и придумал он нехорошее:
он решил их обоих убить,
он решил их разрезать на части, и
никого уж ему и не жалко.
Вот купил он на рынке у частника
острый ножик, ужасный кинжал—
вот тогда в выходное дело летнее
он жену пригласил погулять,
и дочку—дите трехлетнее—
он тоже решил с собой взять.
Вот пошли они на поляну троим.
Злодей-муж, очень сильно хватил
он жену свою и дите свое
острым ножиком тут же убил.
Он их там закопал с злым умыслом,
он обоих тогда закопал,
и на утро другое одумался
и в милицию побежал.
Так и так, мол, там я зарезал их,
потому что я счастья не знал,
и жену и дочь любимых моих
на полянке одной закопал.
Побежали скорей и разрыли их,
всех зарезанных, и к тому ж
привезли в город обоих их.
И рыдал уж тогда злодей-муж,
по слезам его не поверили все.
О злодействе его все узнали;
он сначала в тюрьму кирпичную сел,
а потом его расстреляли.
Вот и песне конец, песня верная,
песня эта про горестный факт,

а заборы и домик, наверное,
все стоят, как и раньше, так“

Слепой закрывает глотку. Кепка
Рот раскрывает и ждет не дыша.
Сыпятся деньги и с второго этажа,
Как слеза, слетает серебряная монета.
Уходит слепой и шарманка-инвалид,
Получивший вапрасную пенсию.
А мы остаемся. Я вижу: вредны,
Страшны и опасны безглазые песни.
Я вижу: там, где окно косое,
Ударник сидит, на себя непохожий,
Сидит ударник и смотрит с тоскою
На деревянный, как песня, ножик.
Быт его душит, мешает жить,
Мешает вставать поутру.
Закрывает глаза: и он видит—лежит
Жены окровавленный труп,
Мухи сидят на ее лице,
(„И жизнь разбита, как пьяный бокал“)
Такой он врывается утром в цех,
Такой он ломает вал.
Он сам не свой и не наш. Он обят
Пожаром зеленой тоски.
Он кончит работу. И видит себя
В центре черной доски.
Он претя в пивную. Ошпаренный рак
Ломается, будто валик.
Он пьян, он бунует, он бесится. Так
Кончается старый ударник.
Неправда! Пстой, обожди. Ерунда!
Не может этого быть,
Неправда, что выхода нет, что быт
Будет мешать в-егда.
Неправда! Я выйду на двор, как слепец,
Я голос расправлю, простой и широкий,
И я начинаю. Коль петь, так петь
Так, чтоб зарезать слепые строки.

Товарищи! Слушайте, я здоров,
И к чорту пожалте, кофейные гущи,
Я песней мечтаю убить того,
Который был предвудущий.
Песня—неправда. Товарищ ударник,
Песня пролезла на дармовщину,
Плюнь этой песне в безглазую харю
По следующим причинам.
Я утверждаю. Засижена плесенью,
Песня со страхом смотрит в лицо нам,
Она неправда, эта вредная песня,
Песня дореволюционная.
Кто этот муж? Про кого поет
Этот слепец, незавидный и петхий?
Товарищи, вспомните. Быстро идет
Третий, решающий год пятилетки.
И этот старик в нем безбилетный,
В вагоне поет про такие истории.
Частников нет, и зеленым летом
Пьяницы лечатся в санатории.
И он не расстрелян, песни герой,
Он будет исправлен упорным трудом,
И для него обьятья раскроет
Бетонный исправтрудом.
А что о полянке, на которой он
Закопал убитых жену и девуцу—
Там полянки нету. Она давно
Запахана под пшеницу.
Засмейся над песней. И слушай мою.
Она не пропета, в боях не пробита,
Она молодая. Я песню пою
О нашем, о новом быте.

Засалились жены наши у плит,
Сторбились у корыта.
Товарищ! Выйди встречать новый быт.
Идущий на смену старому быту.

И крепостью нового быта стоит
Фабрика-кухня, железом покрыта.

Плюс энтузиазм

Сердце билось с перебойми. Сердце приостанавливалось и замирало. Оно не в силах было справиться со своей работой. В сердце застряли баржи с цементом, баржи с бугром, тес. гравий. Сердцем завода была гавань.

Это было время, когда Нижегородский автозавод только прорезывался из земли.

Материалы должны были идти из гавани. Но в гавани хвост неразгруженных барж успел вырасти чуть ли не до середины Оки. Баржи стояли в очереди за рабочими руками. Шел дождь, и грузчики отсыживались на «дождевых». Они курили, чесались, рвали в мутное небо. Баржи шли и хмуры приставали к хвосту.

Отсюда начинается послужной список героини комсомола. Ветеран строительства говорит басом: «Завод—наше дитя».

Дитя в 280 тысяч квадратных метров зычно прочищает горло первыми гудками. Худенький, остроносый 20-летний ветеран поглядывает на него отеческим, любовным глазом. Это—бригадир первой комсомольской бригады Переходников. Слово о нем и других.

Двадцать человек комсомольцев пришли в гавань. Шел дождь. Грузчики спали, чесались, закусывали. Комсомольцы молча сняли рубашки. Дождь забарабанил по розовым молодым спинам, как по крышам. Комсомольцы положили на спины ярма. Трогательно проступил позвончик, согнутый, словно стебель. Грузчики смотрели. Бригада начала разгрузку.

Это была первая ступень работы,—физическая сила, поданная горячо, напористо, хоршей хваткой. Но влед за простейшей ступенью работа перешла на вторую. Вступила в действие организация труда.

В гавани владычествовал своеобразный метод работы, где главную долю энергии отнимали песни и матерная брань. Бочки цемента тащили под песню, приспособившая работу к строфе. Мат гремел, как барабанная дробь.

Комсомольцы построили свою работу по несколько иным принципам. Пришли итоги,—экономию рабочих рук, повышение производительности. В гавани были работы-падчерницы. От них отлынивали, шли с неохотой, ругая из добродушной переходила в свирепую. К несуду таких работ, нелюбимых за нудность и плохую оплату, принадлежала промывка гравия. За нее взялись комсомольцы.

— Дело обстоит так,—говорит Переходников, подымая брови.—Начнем с транспортера. Четыре человека подвозят гравий на тачках, четыре сбрасывают лопатами в транспортер, четыре стоят за их спинами для смены и отдыха. Итого 12 на обоих концах 24. Ну, я и придумал представить транки, помост к концу транспортера. По транку рабочий подвозит тачку прямо к транспортеру и переворачивает ее туда. Подумаешь, американская конструкция! А вместе с тем восемь человек с каждого конца можно было спать.

«Подумаешь, американская конструкция!» Только вместо 50 человек на гравеющей работе 30 и вместо 30 кубометров гравия они промывали 60. Только и всего.

Гавань стала комсомольской вотчиной. Комсомольцы перебрались туда на жительство. Разбежался полотняный городок палаток, бригада шибко увеличивалась, палатки росли.

И ночью вдруг поднялась вода. Она шла на косу, поднимая под себя материалы, разбирая по косточкам узкоколейку. Она борьма шла, всхлипывала, собиралась с си-

лами. Переходникова разбудили. Он спал в палатке.

— Вода поднялась? Заливает?—сказал он, ниц сапоги.—Сейчас выйду. Без паники. Я и говорю, что сейчас выйду.

Комсомольцы были в кино, здесь же, в полотняном городе. Озабоченно трещал сверчок аппарата. Белое копы прожектора билось о полотно.

В кипящем свете, полным кинематографической патетики, героев и бесшумных катастроф, вдруг выросла фигура Переходникова. Маленькая эта фигурка отбросила на экран чудовищную тень. От улыбающейся крупным планом девушки в берете осталось одно левое ухо.

— Вот что, ребята...—сказал Переходников спокойно, как на общем собрании.

Через пять минут ребята топали на косу. Механизаторы разбирали узкоколейку. Плотники прокладывали плывучие мостики. К утру убрали весь участок, все материалы, и вода всплыла темным блестящим брюхом, покачиваясь и вздымая.

Это была в общем небольшая стычка с водой. Основная борьба пришлось на январь, февраль, март, когда на Оке строили водоприемник, который должен был дать воду всей территории автозавода.

Вода была другая, мерзлая, синяя от холода. В этой воде на дне реки пужно было установить бетонный оголовок, от которого должны были отходить трубы. Для начала из балок, плотно входящих друг в друга шпунтами и втыкающихся острями в дно, начали строить четыре стены водяного ящика, колодца. Этот ящик окружили второй стеной из балок. Промежутки между стенами засыпали песком. И из внутреннего ящика начали выкачивать воду, выгонять реку, освобождали поле действия для установки оголовка.

В идее это выглядит очень просто, убедительно и вообще все в порядке. Но вода не желала сдаваться. Она домилась сквозь балки, сквозь песок. Она просовывала к оголовку тонкие пальчики струй. Урча, она раздвигала балки и яростно втяскивалась обратно, на отнятую у нее жилплощадь.

Комсомольцы не кричали—«палками закидаем» Они действовали организовано и планомерно, по всем правилам техники. Но когда река, невзирая на технику, перла напролом, прорывалась сквозь балки, билась в щели, как тараном, синей, тяжелой влагой и врвалась вдруг в самую гущу работы неистовым глашатаем катастрофы,—тогда комсомольцы зажимали щели собственным телом, затыкали щели грудью, спиной, выбрасывали из своих матрацев сено и, напоявив их песком, втыскивали в трещины, как пробки.

В марте река получила подкрепление. Вода становилась угрожающе сильной. Она подымалась. Она приподвигалась. Работа еще не была закончена. Лед угрожал вывернуть с корнем балки, размести песок, угнать сваи в Астрахань. На помощь комсомольцам шли рабочие заводов, плотники, бетонщики. Вода подымалась все выше. Походным шагом пришли саперы—строители в красноармейских шинелях. Работа шла днем и ночью. И когда наконец лед с треском и шипением двинулся,—трубы лежали, вытянувшись к берегу, крепко сидел оголовок, вода была взята в работу для автозавода, работа была закончена.

Нижегородский автогигант выстроил. Вместе с ростом завода шел рост новых людей.

Товарищ! Иди и встречай новый быт, Идущий на смену старому быту.

Там, может, под музыку будут бить Тесто, пролезшее через сита. Товарищ, иди и встречай новый быт, Идущий на смену старому быту.

Рубахи твои будут в прачечных мыть, В котлах, кислотою умытых. Товарищ, иди и встречай новый быт, Идущий на смену старому быту.

Мы будем коммунарами жить да быть. И это близко, замками не скрыто. Товарищ, иди и встречай новый быт, Идущий на смену старому быту.

Быт молод. Он в яслях пока, он кричит Он против примуса, против корыта. Он мал, но он вырастет, новый быт, Идущий на смену старому быту.

ИДУЩИЕ В АВАНГАРДЕ

Зарисовки Л. Зильберштейна

Завод „Красная Пресня“ (Москва). Ударник: гг. И. Максимов (1-я строевая слесарня), стаж 38 лет; Зобков (механический цех), стаж 36 лет; Емельянов (слесарно-строительный цех № 2); Розумев (литейный цех), формовщик, стаж 30 лет

Завод „Электрик“ (Ленинград). Тов. Полюсов, ударник, многократно проигрывавший

Завод им. Карла Маркса (Ленинград). Ударник тов. Жарнов—слесарь-инструментальщик, председатель общезаводской комиссии по госкредиту

Завод „Волжский“ (Ленинград). Тов. Окарев, ударник-фрезеровщик ремонтного цеха

Красное депо имени Ильича (МВБ ж. д.). Тов. Сергел—рабочий-ударник слесарного цеха. Производственный стаж 25 лет

Красное депо имени Ильича (МВБ ж. д.) Тов. Герасимов, рабочий-ударник котельного цеха, производственный стаж—34 года

Завод „Динамо“ (Москва). Тов. Солонати, ударник, слесарь-бригадир

Завод им. Карла Маркса (Ленинград). Тов. Кисель—фрезеровщик 1-го механического цеха, ударник

СВОЙ ЖАНР

О творчестве американской художницы
ЕВЫ ГЕРМАН

Пухлая книжка в скромной зеленой обложке „На параде“. Карикатуры Евы Герман. Перелистываете книгу. Физиономии крупнейших звезд северо-американского литературного неба. Шервуд Андерсен, Джон дос Пассос, Теодор Драйзер, Эптон Синклер, о'Нейл, Синклер Льюис. Много других, которых мы, советские читатели, не читали, а знаем только понаслышке. Есть и такие, о которых ничего не знаем. 42 карикатуры. 42 маски американской литературной братии.

Здесь „левые“, здесь „правые“. Очевидно, Ева Герман не преследовала никаких политических целей в подборе „жертв“ для своих карикатур. Она руководствовалась известностью тех, кого рисовала.

Возле каждого рисунка—краткое высказывание американских знаменитостей. Надо отдать справедливость: высказывания эти в большинстве случаев плоски, порой пошлы, порой политически безграмотны. Даже для той идеологии—сугубо капиталистически буржуазной, которая в них выражается.

Теодор Драйзер
Рис. Евы Герман

Эти плоские, филистерски-философические афоризмы необычайно выгодно для Евы Герман контрастируют с остротой и глубиной ее рисунков.

Ева Герман—график чистейшей воды. Она не принадлежит к той или другой школе. Она стоит вне школы. Правильнее всего, если сказать, что у нее нет никакой школы. Она сама рассказывает о себе, что она пробовала учиться рисованию в Мюнхене (Герман родилась в Мюнхене, в немецкой семье, позже эмигрировавшей в Америку), но скоро бросила. Ей пришлось не по нутру академические трафареты немецких учителей, шаблончики, по которым рисовали и рисуют и будут долго еще рисовать художники из „Югенд“ и других так называемых художественных

журналов, приспособленных ко вкусу немецкого и прочего мещанства.

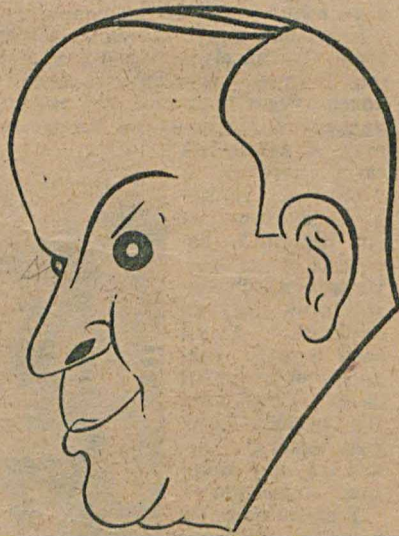
Ева Герман очень примитивна в своем рисунке. Детски примитивна. Недаром она

Ева Герман

говорит, что любит иллюстрировать книжки для детей младшего возраста. Вероятно, это ей хорошо удается. Дети понимают ее, как она понимает глубину и чистоту детского примитива. Черные эллипсы и в них точки белым мелом—так обозначаются глаза. Брови—лучеобразные полоски. Изгибы линий просты.

Карикатура Евы Герман легко может быть срисована любым нерисовальщиком. В чем же ценность ее работы. В том, что она умеет охватить главное в физиономии изображаемого ею человека. Основные

Джон дос Пассос
Рис. Евы Герман

черты характера, творческие особенности,—все излучается через портрет. Ваутрениый мир писателя, его социальная сущность, чуть ли не его стиливые особенности воплощаются в рисунке Евы Герман, который действует необычайно доходчиво и впечатляюще на зрителя.

Шарж органически чужд творчеству Евы Герман. Шарж—это утрировка, шарж—это гротескность, это игра природными особенностями того, на кого делаешь шарж. Шарж требует известной творческой злости. Ева Герман наблюдательна, вдумчива и не зла. Она любит объекты своего творчества, она подходит к ним внимательно, как врач, выслушивающий пациента. Она анализирует физиономию, старается прочесть в ней „духовную“ сущ-

Бела Иллеш
Рис. Евы Герман

ность—и затем создает адекватный образ, совершенно синтетический, из тех простых комбинаций линий, которые характеризуют в ней мастера своего жанра.

С кем бы сравнить Еву Герман? Пожалуй, с нашими Кукрыниксами, хорошо знакомыми читателям. Но при сравнении сейчас же проступает крупное различие. Кукрыниксы—шаржисты. Они помещают изображаемых ими людей в определенную обстановку, они играют аксессуарами, вещами, они пользуются линией, как символом. У Евы Герман нет ничего подобного. Она карикатуристка. Она изолирует лицо, избравшее ее для карикатуры, от внешнего мира, от всей окружающей обстановки и пытается преломить через изображаемое ею лицо этот внешний мир, эту обстановку.

Ева Герман—не коммунистка. Но она принадлежит к тем кругам передовой американской интеллигенции, которые, чувствуя неизбежность краха капиталистического строя, с глубочайшим вниманием и надеждой взирают на строящийся в СССР новый мир. И молодая художница приехала в СССР гостить в столице страны Советов для того, чтобы воочию ознакомиться с достижениями победившего пролетариата. А. Д.

Бела Иллеш, Л. Леонов, И. Сельвинский, Л. Авербах, И. Бехер, Ю. Олеша, Н. Огнев, А. Гидаш, А. Караваева, А. Фадеев, И. Минитенно, Нин. Анов, Ал. Гатов, В. Киришон, Мих. Кольцов, К. Федин, Д. Либерман, Ефим Зозуля, А. Ефремин, Ал. Дейч, Г. Корабельников, В. Герасимова, Б. Ясенский, С. Щипачев

вышли в „Библиотеке Огонек“

Переводимое слово

М. Альтшулер

На пункте спокойно и тихо. Так спокойно может быть только после того, как, утомившись от верховой езды, набрасываешься на обжигающий суп, поедаясь все и на полчаса укладываешься отдохнуть. Только на полчаса. Ибо надо снова садиться на лошадь и ехать. До вечера, до ночи, а может быть и всю ночь.

Хлопок не ждет.

комитета. Надо напрячь все силы, собрать скорее хлопок и сдать долг государству. Скуппункт ждет хлопка. Текстильные заводы ждут хлопка. Хлопка ждет страна. Необходимо мобилизовать женщин и подростков. Мардикоры² будут оплачены. Колхоз, включенный во всесоюзный конкурс, не может, не должен остаться позади. Узбеков переводит очень долго.

датель долго повторяет короткое слово „хоп“⁵.

Колхозный пост выбран, и когда учитель собирается сложить на-двое написанный протокол, Мингали подходит к лампе и начинает говорить:

— „Социалистическое соревнование“, „социалистическое соревнование“, слышим мы часто.

— Я был в большом городе Кульоб, я видел там мудрых людей, они читали мне нашу газету. Я не знаю, как это назвать, это непереводаемое слово, всюду в Кульобе оно, социалистическое соревнование. Это когда один хлопзавод вызывает другой, чтобы лучше и больше сработать, это когда хлоппункт Памтука вызывает Чубекский и оба они стараются переиграть друг друга, чтобы дехкапе не долго ожидали приемки пахты. Социалистическое соревнование— это я не могу перевести, и вот я прошу колхоз наш, чтобы он вызвал на такое же соревнование соседний колхоз „Идею Таджикистана“, поля которого не убраны от хлопка, а чашечки распустились. Я прошу вызвать его, чтобы он потягался с нами на скорейшую уборку хлопка. Я не знаю, как объяснить вам, ака джан го⁶, это слово, о нем мне говорили мудрые люди Кульоба. Быть может, учитель объяснит вам его.

— Мусобакаи ичтимои,— кричит в экстазе учитель,— социалистическое соревнование,— высоко над собой поднимая „летучую мышь“. И освещенные лампой головы одновременно кивают ему. Учитель жадно бросает слова, и каждое слово его медленно и растягивая, точно взвешивая, хором подхватывают несколько голосов.

Так на ладони медленно и напряженно пролетает вес ценностей.

Учитель пишет тут же текст договора, ему помогает Узбеков. Завтра этот договор будет отправлен для обсуждения в вызванный колхоз.

Бережно на вытянутых руках, как орден Красного знамени, несет договор Мингали в свою кибитку.

Мы прощаемся с колхозниками и уходим, и долго вслед нам слышится переведенное слово „мусобакаи ичтимои“

В глубоком молчании, вздрагивая от холода, доходим мы до ворот скуппункта.

Бригадирша Маша вернулась с обезда

Таджик-тракторист на хлопковом колхозном поле

Муромский сидит в чистой и светлой комнате бригадиров. Он сидит бочком на кровати, поставив перед собой зеркало, и мылит щеку, шею и подбородок громадной кистью.

— Узбекова долго нет,— цедит он сквозь зубы, снимая бритвой волосы с верхней губы.— Чего бы это он, а?

Но вот входит Узбеков, агростароста и переводчик.

— Побрился, поехали,— встает Муромский.

— Тут три километра, пройдем,— отвечает Узбеков.

Мы идем по широкой дороге. Жаркое солнце остыло и багровеет на горизонте раскрытым веером. Поле, длинное поле, на котором снежными розами белеет хлопок, мы прошли. И почти совсем стемнело, когда нас встретили лаем собаки колхоза.

Серые дувалы почернели. Луна—гигантский глобус—двигается на середину неба запыля на короткую ночь место звездного командарма.

Стены мечети, колонны мечети и острай банья подпирают ночь.

В открытые центральные дверцы летит хлопок. В мешках и в халатах принесли его с полей колхозники.

— Ой, раис¹, раис колхоз,— кричит Узбеков, и тонкий голос его—как крик ночной птицы. Скоро площадь перед мечетью заполняется. Восемь светлых чалм, а позади слившиеся в одно темные фигуры. Учитель приходит с „летучей мышью“. Тусклый свет ее жалко освещает небольшое земляное возвышение, на которое мы садимся. На собрание приходит и вся группа бедноты.

Карабаи Сарим, Абдуразек Тагъев, Ходжа Абдулаев и Саид Мирза. Здесь и Фарман Мингали—их руководитель.

Узбеков долго переводит мою речь.

Колхоз „Дагана Октябрь“ включен во всесоюзный конкурс на лучшее предприятие и коллективное хозяйство. Необходимо создать колхозный пост республиканского

Никто не проронит ни слова, пока он не кончит, как долго он ни говорил бы. А когда он закончит, все сразу, перебивая друг друга, будут обсуждать сказанное им. Так и есть.

Длинейшие тени взлетаемых рук пересекают освещаемый лампой треугольник земли.

„Исты“³,— скажет сейчас председатель колхоза.

— Исты,— говорит раис,— исты.

И возбуждение и гомон постепенно утихают, умирая, как шум горной реки, когда конь вынес тебя уже на равнину.

Несколько минут длится молчание. Слово берет Султан Муса. Барон Давлат сменяет его. Учитель—девятнадцатилетний комсомолец—ведет протокол. Он выглядит еще мальчиком. Педтехникум кончил он в этом году и направляет сюда учителем. С глубоким уважением смотрит на его иероглифы бородачи в чалмах. Им не суждено владеть этим могучим оружием. Дети баев и мулл учились при эмире. И бедняк Абдюкам Оди, вынешний учитель, никогда не попал бы при эмире даже в „мактаб“⁴.

Узбеков хочет перевести нам слова колхозников, но это не надо. И так видно, что колхоз включился в конкурс. В дь фарман Мингали, руководитель бедноты, радостно кивает головой, смотря на нас, а предсе-

У собранного хлопка

полей. Сейчас она, наверно, подогревает купленного вчера петуха. И от него будет ароматно пахнуть хорошо прожаренным мясом, картофелем и луком. Мы сядем петуха, а потом спать, спать, спать.

² Рабочие члены семьи. Постой, по-таджикски. Начальная школа.

⁵ Ладно, хорошо. Душевные братья.

¹ Председатель, по-таджикски.

Место, где должен был быть рай

В Персидском заливе мне пришлось посетить четыре персидских города. Бендер-Аббас — патриархален и примитивен. Здесь женщины еще носят уродливые черные клювовидные маски, здесь часто можно видеть старинный свадебный обряд, здесь же совершается изуверское и жестокое шествие „шахсей-вахсей“.

Главная улица в Аббасе — базар. Крытый сверху прутьями, в самые жаркие дни он сумрачен и прохладен. Черноглазые купцы с квадратными лицами в черной рамке стриженных бакенов читают мудрые письма. Арабский базар в Йемене бьет, режет, хлещет наши чувства динамичностью, разгулом красок и размахом форм и линий. Персидский же базар весь введен в строгую норму квадратов и клеток, тих, флегматичен и скучен.

Все лица отточены по стандарту. Тусклоблестящие миндалины глаз вдумчиво устремлены в одну точку. Их охраняют многочисленные полицейские с смуглыми, худыми тревожными лицами. Персам беспокоиться не о чем — за них беспокоятся полицейский: он впиивается в приезжего пытливым взором. Чуть что — он тут как тут.

В Персидский залив впадает река Шатт-эль-Араб. Она образуется из слияния Тигра и Евфрата. Здесь некогда, говорят, находился „рай“ Адама и Евы. На обоих берегах — финиковые пальмы в невиданном доселе количестве. Но над берегом лежат глиняные избушки сторожей. Медленно покачиваясь, ползет потешная, совершенно бесформенная лодка-старушка.

И наряду с этим, рассекая красновато-желтую поверхность реки, величественно скользит английский красавец-крейсер, оттопыренными орудиями демонстрируя морскую мощь Великобритании. Белоснежный корпус с двумя четкими рядами иллюминаторов. На носу и корме, под навесами, словно в летних кафе на открытом воздухе — вместо беспечных посетителей, крупные орудия, зенитные пушки. Вот канонерская лодка. С оглушительным треском, низко-низко над водой проносится гидроплан. О, англичане основательно охраняют подступы к Ираку!

Здесь все создано руками англичан, ими и для них: шоссе, по которому проезд разрешен только британским авто, входы и выходы, самые удобные стоянки судов. А где-то в сторонке грязный торговый персидский Абадан распекает унылые песни на задворках, сверкающих огнями многоэтажных фабричных зданий, у ворот, где написано: „Strictly prohibited“ („строжайше воспрещено“).

Пройдем дальше, где за грязной канавой начинаются кое-как слепленные жилища рабочих нефтяной компании. Эти незатейливые конурки, откуда выглядывают грязные дети с кошками вежливочепных, несения черных волос, слеплены из ржавых жестяных листов и войлока. Бедность, бедность, бесправие, эксплуатация — вот что говорит этот рабочий городок.

Мой саутник по такси, перс, сказал мне: „Рабочие должны быть благодарны англичанам за эти бараки. У них и этого не было“.

Ну, что же, поблагодарим. Спасибо! Спасибо вам, самоодвольные персидские посредники и подрядчики в полевых картузах („пехлеви“), оптом и в розницу распродающие народное достояние брони-

рованными хозяевам. Английские суда показывают свой тоннаж таможенно во много меньше, чем они на деле.

„А ну ка, пикийте!“ — говорят канонерки.

Мохаммера. Оригинальный арабо-персидский городок соединяет пестроту и многоликость арабского Востока с ленивым однообразием Персии. Глухое захолустье и азиатскую грязь — с вылощенной корректностью британских, окруженных зеленой опрятных коттеджей. Это далеко не Бушир или Аббас, живущие патриархально, под опекой доброго полицеймейстера. Это и не соседний Абадан, плоть от плоти нефтяной компании. Это именно — **Мохаммера** — своеобразнейшее пограничное место возле которого стоит вооруженный до зубов английский часовой.

...В Мохаммере шумная речная жизнь привлекла к берегу значительную часть населения. Тут лавки и чайные. Живописно расположив свои лохмотья на деревянных скамьях, перс и негр мирно курят наргиле. Болзливо приоткрыв черные саваны, женщины присииваются к овощам, рыбе и фруктам. На еле приоткрытом лице из позды торчат серебряное кольцо с камнем, а зубами эта франтиха придерживает край покрывала. Ногти крашены хенной и с траурными каемками гряди. У берега женщины моют посуду.

Культурных зрелищ в этом городке нет. Кино отсутствует. Один только граммофон утешает слух ленивых посетителей чайханы.

...Базар. Вот появился пузатый меднорожий купец-индус. На голове его завязана белая шелковая чалма так искусно и аккуратно, как это умеют делать только индусы. Выширая вперед большой живот, он шагает кренком, уверенной походкой, опытным любопытным взглядом впииваясь в товары на прилавках. Весь пышущий здоровьем, он резко контрастирует с худыми, большеглазыми, тихими персами, безжизненно попикивающими в затхлых лавочках темной улочки. Один строчил на швейных машинах, сгнившись в три погибели, другие читали визь персидских писем, третьи — лениво пересыпали из ладони в ладонь звонкое серебро.

Таков персидский базар.

Идем отсюда на волю — по косым улочкам, мимо глубоких грязных канав, в которых черные тени подползут больше и посуду. Наружу, пока мы не очутимся среди пальм!

Но увя, — и здесь нет свободы. Большие пальмовые участки окаймлены бесконечными крепкими нагорными, — частная собственность.

И прилегли на большом камне, устало и радостно слушаешь далекий посвист птиц, напоминающий что-то родное, возню невидимых ребят в зелени за забором, смех молодых голосов.

Издали угадываешь мужую жизнь. Светло, тепло, хорошо. Ну, как поверить, что у нас теперь земная стужа? Конек декабря.

Тротуары, верно, покрыты твердым обледеневшим снегом. Кутаюсь в худое пальто, москвич безнадёжно пытается сквозь снежный ворс трамвайных стекол, сквозь ледяные пятки, образованные горячим дыханием, разглядеть зубцы Китайгородской стены...

А мы скоро будем в тропиках и, засыпая, полуодетые, под открытым небом, увидим, наконец, драгоценную днадему юга — Южный Крест!..

Но идиллия идиллией, а в английскую Басру (в королевстве Ирак) нас не пускают. Груз подвозит очень медленно. День за днем столыка срывает наши трансфинилян. Взад и вперед шныряют изворотливые персидские подражники. Они заинтересованы в том, чтобы затормозить нашу работу.

Все наши усилии в чужом краю парализуются педведомой рукой. И опять в безделье застаивает безработные стрелы лебедек, опять волнуется команда.

Как гневные волны, бьются упрямые речи наших моряков, со свежим запасом задора и гнева являющихся с места могучей социалистической стройки. По недвижным робкими селениями приотпились наши торговые конторы у подножья утесов восточного феодализма. Они между двух огней. Кругом душная атмосфера, онторгунизм, темные влияния.

Таково положение в „райском саду“ Мохаммеры, у преддверия древних Тигра и Евфрата, неподалеку от древней Бассоры и великого Багдада.

Этот сад „благоухает“ теперь в совершенно обратном смысле. Он весь пропах британской нефтью. Он пахнет потом голодных, невежественных детей и женщин финиковых плантаций и скверным запахом нечистых домшек местных купцов.

Он пахнет разложением. Пальмовые рощи прекрасны: но чем раскидистой и безгра-

Аббас. Хаджи-шейх Ахмед Геллерфи

Ахмед Бушери, перс-скорняк (Бушпр)

Мохаммера. Старик — персидский кули (амбал)

ничней их веера, тем больше, значит, территория, об'ятаой эксплуатацией труда!

Япония превращает Манчжурию в свою колонию. Японская оккупация в Манчжурии постепенно расширяется. Японские

ские газеты указывают, что командование оккупационной армией требует эвакуации китайских войск из Цзяньчжоу. Вместе с тем канцлерское правительство отказалось от японских предложений от нейтральности района Цзяньчжоу в виду отказа со стороны Японии дать гарантии Соединенным Штатам, Англии и Франции, как этого требовало канцлерское правительство. Японско-китайские переговоры в Нанкине ни к чему не привели. Японцы обосновываются в Мукдене и разрабатывают программу забалования Манчжурии. Японцы предполагают создать "независимое" Манч-

журское государство, с которым заключат военный и экономический союз. Большие золотые россыпи Манчжурии, угольные копи и банки перейдут в руки японских капиталистов. В ожидании осуществления этих перспектив японцы проводят оккупацию и устанавливают в Манчжурии до образования правительства военную диктатуру, в ведении которой должны находиться все дипломатические и административные вопросы.

На снимках: вверху — японские оккупационные войска под Тяньцзинем; в центре — японские войска захватывают китайский паровоз, принадлежащий армии генерала Ма; внизу — антияпонский митинг в Шанхае.

Пушечное ядро для новых авиатор. Японское правительство усиленно проводит военизацию студентов высших учебных заведений.

На снимке: военные занятия студентов Токийского университета.

Еще одна жертва фашистского террора. В середине ноября берлинскими фашистами был убит комсомолец Рипер. На дорогах новой жертвы фашистского террора присутствовали многочисленные рабочие берлинских предприятий, яв-

лвшиеся отдать последний долг товарищу по борьбе, повинаясь веку компартии.

Борьба против компартии во Франции. В связи с открытием сессии французской палаты депутатов, компартия организовала большую демонстрацию революционных рабочих. Большие патрули полиции, окружив здание парламента, не подпустили к нему демонстра-

На снимке: полицейские патрули во время демонстрации революционных рабочих.

Румынский фашизм ведет наступление на трудящихся. Катастрофическое положение, в котором находится Румыния, вызвало новое наступление

румynского правительства на интересы трудящихся. Проект нового налогового обложения вызвал огромное возмущение

широких масс. Этот проект предусматривает снижение зарплат служащим на

15% и введение нового, так называемого кризисного налога на зарплату рабочих и служащих. Новое ограбление масс сопровождается сильнейшим политическим террором. Демонстрации служащих и рабочих, организованные в знак протеста против снижения зарплат, разгоняются полицией и войсками. Пресса подвергается суровой цензуре, вышедшие газеты с оппозиционными статьями конфискуются у газетчиков.

На снимках: вверху — полиция и войска разгоняют демонстрацию; в центре — полиция обыскивает газетчиков у газетной экспедиции, отбирая запрещенные номера изданий.

Новые крахи банок в Германии. Дальнейшее падение фунта стерлингов вызвало новое бесновое в кругах германской промышленности, работающей на вывоз, т. е. по мере обеспечения фунта способностью английских товаров конкурировать с германскими

возрастает. В связи с общим ухудшением хозяйственной конъюнктуры в Германии произошли новые крахи банок. В Берлине обанкротился и прекратил платежи Торгово-земельный банк.

На снимке: Торгово-земельный банк в Берлине, закрывший свои двери.

Самора — президент испанской республики. Испанское учредительное собрание избрало президентом республики Аякалу

Самору подавляющим большинством голосов (362 голоса было подано за него из общего количества 410 голосов). Самора — бывший председатель временного правительства Испании в первый период после провозглашения республики.

Тяжелая зима американских безработных. Наступившая зима несет американским безработным большие бедствия

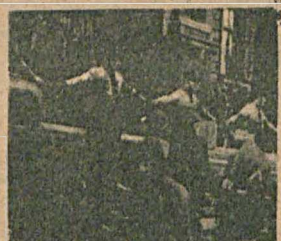
Вновь домовладельцы ведут энергичную кампанию за выделение безработных, не имеющих средств заплатить за

квартиры. Союз квартирантов организовал контр-кампанию против домовладельцев. В качестве одной из мер борьбы союз квартирантов высылал пакеты к тем домам, где предполагается выселение, и ведет кампанию за снижение квартирной платы.

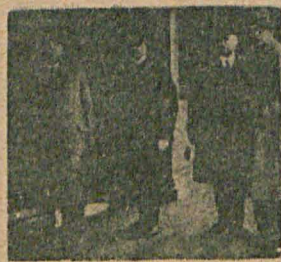
На снимке: пикет союза квартирантов.

Антисемитские выступления в Вене. Фашистские студенты Венского университета равняют усиленную антисемитскую кампанию. Выставив свой кордон, национал-социалистические студенты не

пускают в здание университета студентов-евреев. Так выгладит "свобода совести" в демократической Вене, управляемой австро-марксистами.

Против иррациональной войны. В Берлине состоялось совещание министров внутренних дел различных правительств Германии Краугольным камнем совещания явились вопросы борьбы с растущим коммунистическим движением.

На снимке: британский министр внутренних дел Кларк (3-й слева) и другие участники совещания у входа в министерство внутренних дел в Берлине.

НА ОБЛОЖКЕ НАСТОЯЩЕГО НОМЕРА — снимки Парижа рабочей нищеты, безработных и бездомных пролетариев. Безработица во Франции приняла огромные размеры, которые французское правительство всячески старается скрыть в официальных сводках.

Наверху — группа безработных у районной мэрии Парижа. Внизу — уголок квартала парижской бедноты.

Очередные "ангелы мира". В Осло (Норвегия) состоялось присуждение очередной нобелевской "премии мира". По уставу Нобелевского комитета эта премия присуждается "за труды, содействующие торжеству идеи мира". Оказывается, что по мнению жюри Нобелевского комитета "содействуют" идее мира ректор Колумбийского университета Николай Меррей Бутлер и писательница Джен Аддамс. Бутлер в журнальных статьях и нескольких книгах проводит идею умеренного буржуазного пацифизма. Он также является

одним из участников комиссии по редактированию текста пакта Келлога. Это жюри Нобелевского комитета считает его особой заслугой.

Престарелая (71-летняя) писательница Джен Аддамс является представительницей женского буржуазно-националистического движения и председателем "Международной женской лиги борьбы за мир и свободу".

Одним из главных конкурентов на конкурсе "мирового" выступления граф Куденгоф Каллерги, создатель и главарь т. н. пан-европейского движения. Куденгоф-Каллерги особенно зарекомендовал себя ирой анти-советской деятельностью, и старавшийся держаться "нейтрально" в этом вопросе Нобелевский комитет, очевидно, счел неудобным присудить премию ему или кому-либо из министров и генералов, стремившихся в данный момент раздувать планы империалистской войны путем поддержки конфликта в Манчжурии.

Таким образом, в нынешнем году нобелевская премия присуждена двум малоизвестным "мировотворцам", не в пример прошлым годам, когда "премию мира" получили такие бесспорные дельцы на поприще "мира", как Вриан, Чемберлен, генерал Дауэс и др.

На снимках: вверху — Николай Бутлер; внизу — Джен Аддамс.

ФОТО-ХРОНИКА

Дом крестьянина—опорная база агротехнической пропаганды. Тов. Веридов, батрак из Московской области, беседует с агрономом-консультантом в Центральном доме крестьянина

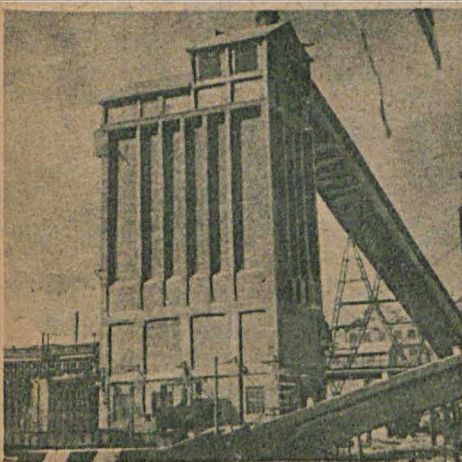
Работники по передовым. Обработка льна самодельным барабаном в колхозе «12-й Октябрь», Брянского района

Кукуруза из колхозов. Массовая сдача кукурузы колхозниками при Матвеево-Курганском элеваторе (Сев.-Кав. край)
Фот. Н. Цымбалова

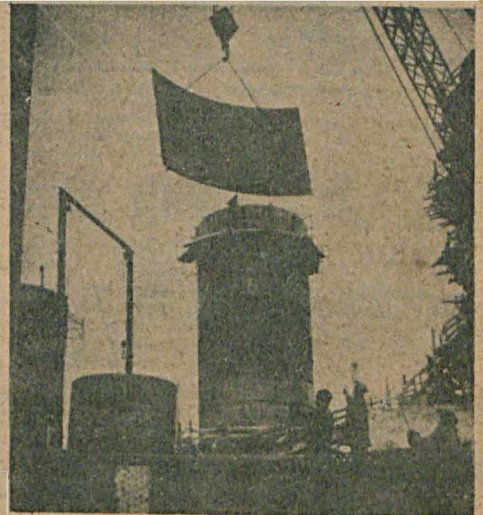
Механизированные прачечные освобождают труд работниц. Глажение белья в Москве в механической фабрике-прачечной. Восемь работниц пропускают в одну смену 1.200 килограмм белья

Керченский гигант расширяет производство. На Керченском металлургическом заводе им. Байкова будет построено 6 доменных печей. Закончен и пущен коксо-химический комбинат на 100 печей. На снимке: угледробильная башня химкомбината

Первый советский экскаватор. Монтаж 21-ковшевого экскаватора на заводе «Красный металлист», выдвигшем первый советский экскаватор ранее срока. С 1932 года завод переходит на массовый выпуск
Фот. С. Шнигарева

На гигантах. Запорожстрой. Подача царги при монтаже кауперов доменной печи № 1
Фот. Альперина

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ.

Адрес редакции: Москва, Страстной бульвар 11.

Издатель—Журналино-газетное объединение

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ „ОГОНЬКА“

Чтобы получать журнал без перерыва с января 1932 г. необходимо немедленно сдать подписку.

Тираж журнала ограничен, не сдавшие подписку во время могут лишиться возможности его получения.

Подписка принимается исключительно почтой до установленного ею срока. Опоздавшая подписка переносится на следующий месяц.
Журналино-газетное объединение

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА „ОГОНЕК“ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ НА 1932 ГОД

Журнал „Огонек“: 12 мес.—3 р. 60 к., 6 мес.—1 р. 80 к., 3 мес.—90 коп., 1 мес.—30 коп. „Огонек с приложением „Библиотеки Огонек“: 12 мес.—12 р., 6 мес.—6 р., 3 мес.—3 р., 1 мес.—1 р. „Огонек“ с приложением „Истории молодого человека XIX столетия“: 12 мес.—19 руб. Допускается рассрочка: 1/1, 1/III, 1/V и 1/VII по 4 р. 75 к.

В 1932 году

подписчики журналов „ОГОНЕК“ и „РОСТ“
получат приложением

24 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КНИГИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ
М. ГОРЬКОГО и А. ВИНОГРАДОВА

ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА XIX СТОЛЕТИЯ

В эту библиотеку войдут произведения: Бальзана, Бенжамена Константа, Бульвер-Литтона, Буржо Вазера, Гете, Лермонтова, Мюссе, Помяловского, Сенкевича, Салюва, Стендаля, Тургенева, Фоссио, Шатобрлана.

Издание будет иллюстрировано лучшими художниками-графиками. В иллюстрировании принимают участие: Алексеев, Брун, Дмитриевский, Краченко, Павликов, Староносков, Фаворский, Хижинский, Шиллинговский, Юдовин и др.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1932 ГОД

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

„ОГОНЕК“

(выходит три раза в месяц) с приложением
24 книг „История молодого человека XIX
столетия“ в год 19 руб.

„РОСТ“

(выходит два раза в месяц) с приложением
24 книг „История молодого человека XIX
столетия“ в год 19 руб.

Допускается расорсчка: и 1/1, 1/III, 1/У и
1/VII по 4 р. 75 и. Всем подписчикам, ула-
тившим все взносы полностью—бесплатная
премия: иллюстрированный альбом „МОСКВА“

Подписка принимается только поч-
той и не позже установленного ею
срока.

Журнально-газетное объединение

ПОДПИСЧИЧАМ „ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ“

(приложение к журналам „ОГОНЕК“, „БОРЬБА КЛАССОВ“ и „ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ“)

Заканчивается печатанием и на днях будет рассылаться подписчикам книга
№ 5—7 Библиотеки „Всемирная История“: В. Граве, М. В. Нечина, А. М. Пан-
кратова, Н. Ф. Сидоров и М. С. Югов—

„ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРИАТА СССР“

Предисловие М. Н. ПОКРОВСКОГО. Редакция В. И. НЕВСКОГО и А. Н. ПАНКРАТОВОЙ

В книге 400 страниц и свыше 100 иллюстраций

ЗАКАНЧИВАЮТСЯ ПРОИЗВОДСТВОМ КНИГИ: М. Н. ПОКРОВСКИЙ—„ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РЕВО-
ЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ“; А. Н. Бернштам, П. И. Борозоветский, С. Н. Быковский,
А. М. Золотарев, С. В. Иванов, Е. Ю. Кричевский, А. А. Лукачевский, Н. М. Маторин, П. И. Меща-
ников, Б. Б. Пиотровский, В. И. Равдоникас и А. В. Шидт—„ПЕРВОБЫТНО-КОММУНИСТИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО“.

Из-за целого ряда причин, которые вкратце изложены в вступлении к третьей книге „Всемирной
истории“, наш печатное издание на 1931 год выходит со значительным запазданием. Ре-
дакция Библиотеки „Всемирная история“ и Журнально-газетное объединение принимают
самые энергичные меры для скорейшего выпуска в свет этого издания.

Все обязательства перед подписчиками в отношении этого приложения будут выполнены
полностью, и оставшиеся книги „Всемирной истории“ Издательство надеется выпустить
в первые месяцы следующего года.

Журнально-газетное объединение

КТО СБЕРЕГАЕТ СТРАНЕ СОТНИ МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ
КТО НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО ЗНАМЕНИ И ОРДЕНОМ ЛЕНИНА
РАБОЧИЕ ИЗОБРЕТАТЕЛИ И РАЦИОНАЛИЗАТОРЫ становятся ведущим отрядом
Каждый трудящийся может стать ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ, если научится
творчески относиться к своей работе.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ МАССОВОГО ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА И РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“

Орган Всесоюзного комитета шестой печати над изобретательством и
оргбюро Всесоюзного о за изобретателей при ВЦСПС, ОБУЧАЕТ, ОРГА-
НИЗУЕТ, МОБИЛИЗУЕТ РАБОЧИХ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ, ведет борьбу с
оппортунистической недооценкой изобретательства. При жу и ле КОНСУЛЬ-
ТАЦИЯ ДЛЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ, в каждом номере журнала ЗАОЧНЫЙ
ПОЛИТЕХНИКУМ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ. В 1932 г. журнал „ИЗОБРЕТА-
ТЕЛЬ“ дает в качестве приложения иллюстрированную „Энциклопедию
ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА“ в 24 выпусках по важнейшим вопросам новой
техники.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: Журнал „ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“ 12 м.—4 р., 6 м.—2 р.,
3 м.—1 р. Журнал „ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“ с прил. библиотеки 12 м.—10 р.,
6 м.—5 р., 3 м.—2 р. 50 к.

Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное объединение

ОТКРЫТ ПРИЕМ
ПОДПИСКИ
НА 1932 Г.

ИСТОРИЯ ДОЛЖНА СЛУЖИТЬ ДЛЯ РАЗЪЯС- НЕНИЯ ОСНОВНЫХ ВОПРОСОВ ПОЛИТИКИ

Ж У Р Н А Л

БОРЬБА КЛАССОВ

Боевой политической орган О-ва истер.-шарнистов при Ком-
мунистич. ЦК СССР, ставит своей целью внедрение истори-
ческих знаний на основе марксизма-ленинизма в широкие чи-
тательские массы, отвлечается на важнейшие политические
вопросы партии и Коминтерна и дает историческое объясне-
ние важнейших политических фактов.

Чтобы дать возмещение массовому активу, пробужде-
ному и политической жизни Октябрьской революцией, в
своей практической работе учитывать свой революционный
опыт, журнал „БОРЬБА КЛАССОВ“ систематич. освещает исто-
рию партии и Октября.

На страницах журнала освещаются вопросы истории наро-
дов СССР, классово-борьбы трудящихся различных наци-
ональностей, влившись в Союз советских социалистиче-
ских республик.

„БОРЬБА КЛАССОВ“, впервые издаваемый в СССР научно-
популярный массовый исторический иллюстрированный жур-
нал, представляет большой интерес как ценный источник
для самообразования и занимательный материал для чтения.
Большое место отводится в журнале истории гражданской
войны. Каждый грамотный рабочий и крестьянин, вузовец
и рабфовец должны знать историю гражданской войны
1918—21 гг.

Одним из важнейших отделов в журнале являются „Массы
творят и живут историю“, где печатаются материалы самих
участников гражданской войны и социалистической стройки
районов сплошной коллективизации, воспоминания участни-
ков гражданской войны.

В журнале открыт постоянный отдел „ИСТОРИЯ ФАБРИК
И ЗАВОДОВ“, в котором будет печататься история крупней-
ших предприятий.

В журнале печатаются статьи, документы, воспоминания,
очерки, обзоры международной классовой борьбы.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1932 ГОД

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 м.—10 р., 6 м.—5 р., 3 м.—2р. 50 к.

Подписку сдавайте ЗАБЛАГОВРЕМЕННО только на
почту или письмом. Подписка принимается
только до определенного срока, устанавливаемого
местной почтой. Подписка, не сдавшая в срок,
переносится на следующий месяц.

Журнально-газетное объединение

ГОВОРЯТ, ЧТО ТРУДНО ОВЛАДЕТЬ ТЕХНИКОЙ,— НЕВЕРНО,

НЕТ ТАКИХ КРЕПОСТЕЙ, КОТОРЫЕ БОЛЬШЕВИКИ НЕ
МОГЛИ БЫ ВЗЯТЬ (СТАЛИН).

ОВЛАДЕТЬ ТЕХНИКОЙ

СВОЕГО ПРОИЗВОДСТВА, стать ударником-организа-
тором и рационализатором производства—поможет рабо-
чии, сред.-техническому персоналу и хозяйственникам
массовый иллюстрированный производственно-со-
ветский журнал, орган ВЦСПС и Всесоюзного совета
общества „Овладеть техникой“

Ж У Р Н А Л

„ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ“

передавая опыт новых методов большевистской рабо-
ты лучших заводов, фабрик, шахт, цехов, бригад, от-
дельных ударников и краснознаменцев производства,
ОРГАНИЗУЕТ работу на отстающих предприятиях,
втягивая их в ряды ударных предприятий, борется за
социалистическую организацию и рационализацию
производства, за техническую реконструкцию про-
мышленности, сельского хозяйства и транспорта.

При журнале в 1932 году дается ежемесячное прило-
жение: библио- — „СПРАВОЧНИК УДАРНИКА“ — 12 м.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1932 ГОД

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

Журн. „Овладеем Техникой“: 12 м.—6 р. 60 к.,

6 м.—3 р. 30 к., 3 м.—1 р. 65 к., 1 мес.—55 к.

Журнал „Овладеем техникой“ с прилож.

„Справочн. ударника“: 12 мес.—10 р. 20 к.,

6 мес.—5 р. 10 к., 3 мес.—2 р. 55 к., 1 м.—85 к.

Подписку сдавайте местной почте не позже уста-
новленного ею срока.

Журнально-газетное объединение

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

ПЕЧАТАЕТ лучшие произведения пролетарских и советских
писателей, ударников, призванных в литературу, очерки о
социалистическом строительстве, мировых классовых, раз-
носы очерки и поэмы о героях пятилетия, художествен-
ные произведения о Красной армии, лучших писателей
национальных республик СССР.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1932 ГОД

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: Библио- „ОГОНЕК“—12 м.—10 р., 6 м.—5 р.,
3 м.—2 р. 50 к. Библиотека „ОГОНЕК“ с журналом „ОГОНЕК“:

12 м.—12 р., 6 м.—6 р., 3 м.—3 р., 1 м.—1 р.

Журнально-газетное объединение

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 г.

Ежемесячный творческо-методический и научно-технический журнал

ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО

ОРГАН СОЮЗФОТО И ОЗПКФ

„ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО“ — боевой руководящий орган пролетарского фотодвижения; борется за классовую пролетарскую фотографию за максимальное использование фото во всех областях социалистического строительства. Вооружает трудящихся фотоданными. В течение всего года в журнале будет вестись

ВЫСШИЙ КУРС ФОТОТЕХНИКИ

для фотокорреспондентов и фоторепортеров при участии лучших мастеров советского фоторепортажа. Наиболее удающиеся заочники зачисляются платными фотокорреспондентами Союзфото и имеют право на

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ФОТОСНАБЖЕНИЕ

Прилож. — „Библиография Пролетфото“ 12 выпусков в год.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1932 год:
Журн. „Пролетфото“ — 12 м. — 7 р., 6 м. — 3 р. 50 к., 3 м. — 1 р. 75 к. Журн. „Пролетфото“ прилож. „Библиография Пролетфото“ — 12 мес. — 13 руб., 6 м. — 6 руб. 50 коп., 3 мес. — 3 руб. 25 коп.

ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ МЕСТНОЙ ПОЧТЕ не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное объединение

ВОПРОСЫ

КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ПРИОБРЕТАЮТ СЕЙЧАС СОВЕРШЕННО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ВТЯГИВАЕТ ВСЕ БОЛЬШЕЕ КОЛИЧЕСТВО ЖЕНЩИН В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

ЭТО ОБЯЗЫВАЕТ НАС ОСВОБОДИТЬ МАТЕРЕЙ ОТ ЗАБОТ О ДЕТАХ.

ДЕЛО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ — ДЕЛО САМИХ ТРУДЯЩИХСЯ.

ЖУРНАЛ ДРУГ ДЕТЕЙ

МОБИЛИЗУЕТ ВНИМАНИЕ ШИРОКИХ ПРОЛЕТАРСКИХ МАСС ВОКРУГ ЭТОЙ ВАЖНЕЙШЕЙ ЗАДАЧИ И ПОМОГАЕТ ПРАКТИЧЕСКИ РАЗРЕШИТЬ ЕЕ.

КАЖДАЯ РАБОТНИЦА, КАЖДАЯ КОЛХОЗНИЦА, КАЖДЫЙ ТРУДЯЩИЙСЯ ДОЛЖЕН БЫТЬ АКТИВНЫМ ЧИТАТЕЛЕМ, ПОДПИСЧИКОМ „ДРУГ ДЕТЕЙ“.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 год
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 м. — 2 р. 40 к., 6 м. — 1 р. 20 к., 3 м. — 60 к., 1 м. — 20 к.

ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ МЕСТНОЙ ПОЧТЕ не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное объединение

СОВЕТСКИЙ ТЕАТР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ТЕАТРА И МАРКСИСТСКОГО ТЕАТРОВЕДЕНИЯ

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

вооружить пролетарский култантис для борьбы за подлинно советский классовый театр, за социалистическую реконструкцию театра, путем разработки основных вопросов театральной культуры и массовой театральной политики, для борьбы с апатичностью и оппортунизмом в театре, с механистическими теориями, за диалектический метод на театре.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

Статьи по вопросам творческого метода, критические обзоры театрознавков, дискуссия, характеристика театров и отдельных работников театра, информация о театре СССР и зарубежном, новые пьесы, библиография, мемуары, документация, иллюстрация.

Журнал богато иллюстрирован.

С 1 января 1932 г. „Советский театр“ издается Журнально-газетным объединением.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 год — 8 р., на 6 м. — 4 р., на 3 м. — 2 руб. Отдельный номер — 75 коп.

Подписка принимается только почтой не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное объединение

ЗНАТЬ ДОСТИЖЕНИЯ

социалистической стройки всего Советского союза, слышать за границу, УЧИТЬСЯ ОТДЫХАТЬ — слушая музыку и пение лучших артистов, может каждый У СЕБЯ ДОМА, имея радиоприемник.

КАК УСТРОИТЬ РАДИОПРИЕМНИК, КАК НАЛАДИТЬ РАДИОВЕЩАНИЕ НА ЗАВОДЕ, В КЛУБЕ, СОВХОЗЕ, КОЛХОЗЕ И У СЕБЯ ДОМА, ВСЕ ТЕОРЕТИЧ. И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАДИО И РАДИОТЕХНИКИ В ПОПУЛЯРНОЙ ОБЩЕДОСТУПНОЙ

„РАДИОБИБЛИОТЕКЕ“

выпускаемой ЦС ОДР (выходит два раза в месяц)

В каждой книжке законченное описание отдельного вопроса.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 4 р., 6 мес. — 2 р., 3 мес. — 1 р.

Торопитесь подписаться, тираж ограничен.

Подписку сдавайте местной почтой не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное объединение

ФОТОРАБЕЛЬКОРЯ НА ПЕРЕДОВЫЕ ПОЗИЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

Работники, слушайте вызов электротехников.

2000 работников Электротехнического завода решили поголовно обучиться фотографии, сделаться активными фотоработниками.

Как овладеть фотоаппаратом. Как сделать снимки могучим средством борьбы за генеральную линию партии, за темпы и качество на всех участках строительства, за выполнение промплана, за поднятие производ. труда. На эти вопросы ответит новая массовая еженедельная газета

„ФОТОКОР“

орган Союзфото и ОЗПКФ.

„БИБЛИОТЕКА ФОТОКОРА“

приложение к газете (3 книги в месяц).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: Газ. „Фотокор“: 12 м. — 3 р. 60 к., 6 м. — 1 р. 80 к., 3 м. — 80 к. Газета „Фотокор“ с приложением „Библиотек Фотокора“: 12 м. — 10 руб., 6 мес. — 5 руб., 3 м. — 2 р. 50 к. Подписку сдавайте местной почтой не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное объединение

ОТКРЫТ прием подписки на 1932 г.

ЭПО МОСКОВСКОГО РАЙСОВЕТА

ОСОАВИАХИМА

г. ЛЕНИНГРАД, Загородный пр. 9

К СВЕДЕНИЮ

государственных, кооперативных учреждений, воинских частей, а также торгующих организаций сообщается, что ЭПО ОСОАВИАХИМА вырабатывается и отпускается для работы на МНОЖИТЕЛЬНЫХ АППАРАТАХ:

СОВЕТСКАЯ ПЛЕНКА И ВОСКОВКА

ИЗОБРЕТЕНИЕ ОСОАВИАХИМА

К пленке и восковке отпускается хорошего качества ротаторная краска. ЭПО М. Р. ОСОАВИАХИМА также вырабатываются множительные аппараты разных систем (ротаторы и матографы).

СПЕРМИН

ПРИЕМ ВНУТРИ ПО 30 КАПЕЛЬ 3 РАЗА В ДЕНЬ

завода ФАРМАКОН в ЛЕНИНГРАДЕ

ВЫТЯЖКА ИЗ СЕМЯНИКОВ ЖИВОТНЫХ

В ТЕЧЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ДЕСЯТКОВ ЛЕТ ПРИМЕНЯЕТСЯ В СЛЕД. СЛУЧАЯХ:

НЕРВНЫХ РАССТРОЙСТВАХ,

БЫСТРОЙ УТОМЛЯЕМОСТИ,

СТАРЧЕСКОЙ СЛАБОСТИ,

ПОЛОВОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ и др.

ИМЕЕТСЯ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ

ПОЛЬЗА объявлений в „ОГОНЬКЕ“ ГАРАНТИРОВАНА исключительным тиражом журнала.

ГИХЛ
КНИГОЦЕНТР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1932 г.

На ежемесячный литературно-художественный и общественно-политич. журнал

ОКТЯБРЬ

(Орган Российской и московской ассоциаций пролетарских писателей — РАПП и МАПП. Год издания 7-й.)

„ОКТЯБРЬ“ группирует вокруг себя пролетарских писателей, растущий литературный молодежь и близких революционной писателей советской интеллигенции.

„ОКТЯБРЬ“ печатает лучшее произведения пролетарской литературы, освещает важнейшие явления политической и культурной жизни страны, ведет борьбу за гегемонию пролетарской литературы. В 1932 году в журнале будут напечатаны:

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

А. СЕРАФИМОВИЧ — „Борьба“ (роман).
Ф. ИАНФЕРОВ — „Брусил“ Кн. 3-я.
А. СЛБХ — „Кадры“ (роман).
И. ШОЛОХОВ — „Тихий Дон“. Кн. 3-я.
В. СТАВСКИЙ — „Станица“. Кн. 3-я.
А. ФАДЕЕВ — „Последний из Удэгов“. Кн. 2-я.
БАБЕЛЬ — Рассказы.
Б. ЯСЕНСКИЙ — „Таджикистан“ (очерки).
В. ДУБРОВИН — „Конец Самодуровни“. Кн. 1-я.

М. ПЛАТОШНИН — „Развернутым фронтом“ (роман).
Б. ГОРБАТОВ — „Горный исход“ (пов.) и роман „Жажд“.
Л. ЛЕОНОВ — Повесть.
А. МИТРОФАНОВ — „Северинка“ (роман).
Я. ШВЕДОВ — „Поиски отечества“ (повесть).
Еф. ПОЛОНСКИЙ — „Баку“. Кн. 2-я. История Коломенского завода. Очерки.

СТИХИ, ОЧЕРКИ, ФЕЛЬЕТНЫ, МЕМУАРЫ, СТАТЬИ, РЕЦЕНЗИИ

В отделах: 1. Жизнь на ходу; 2. Записки писателя; 3. Пережитое; 4. Публицистика; 5. Современное искусство; 6. Критика; 7. Библиография.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 12 р., на 6 мес. — 6 р., на 3 мес. — 3 р. Отдельный номер 1 руб. 10 коп.

Подписка принимается всеми отделениями и магазинами КНИГОЦЕНТРА, их уполномоченными и всюду на почте.

ГИХЛ
КНИГОЦЕНТР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1932 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ ИСКУССТВОВЕЗНАНИЕ

(бывш. „Литература и искусство“)

Орган института литературы, искусства и языка (ЛИЯ) Командеми

„МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ ИСКУССТВОВЕЗНАНИЕ“ ставит своей задачей использование огромного теоретического богатства ленинизма для построения пролетарской эстетики, для разработки теории и практики пролетарского искусства, для борьбы с всякого рода эстетическими и враждебными теориями, для развития марксистско-ленинской методологии литературы и искусства.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, РАЗРАБАТЫВАЕМЫЕ ЖУРНАЛОМ НА 1932 ГОД:

1. Ленинистское наследие и основные вопросы искусства и литературы.
2. Искусство социалистическое по содержанию, нацию аниме по форме.
3. Развитие литературы и проблемы искусства и литературы на Западе.
4. Развитие ВКП(б), после октябрьский период и литературу художественное движение в СССР.
5. История гражданской войны в искусстве и литературе.
6. История фабрик и заводов в искусстве и литературе.
7. Искусство и литература в борьбе за социалистическую технику.
8. Искусство и литература в борьбе за металл, уголь и транспорт.
9. Искусство и литература на службе Урало-Кузнецкого комбината.
10. Искусство и литература в школе.
11. Творчество ударников.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на год — 12 руб., на 6 мес. — 6 руб., на 3 мес. — 3 руб.
Цена отдельного номера — 1 руб. 25 коп.

Подписка принимается всеми отделениями, магазинами, киосками и уполномоченными Книгоцентра, всюду на почте и письмомносами.

ГОРТ-ДИРЕКТОРАТ ПОСЫЛОЧНОЙ ТОРГОВЛИ ПРИНИМАЕТ К ИСПОЛНЕНИЮ ЗАКАЗЫ НА ФОТО-ТОВАРЫ

ВСЕ ДЛЯ ФОТОГРАФОВ

При заказе требуется 50 процентов задатка (приблизительно) стоимости выписанного товара.

ПРОЯВИТЕЛЬ ОТПУСКАЮТСЯ ПО УВЕЛИЧЕН. НОРМЕ НА 100%

Принимает годовые заявки на фотоматериалы от госучреждений, госфотографий и общественных организаций на 1932 год и индивидуальные заявки от всех граждан без ограничений.

ЗАКАЗЫ и ДЕНЬГИ направлять по адресу: Москва, Москворецкая, 26/ф. ГОРТ. Директорату посылочной торговли.

К СВЕДЕНИЮ

госучреждений, шантов, больниц, школ, аптекууправлений и других организаций сообщается, что ЭПО М.Р. Осавиахима отпускается со своих силатов

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ ДЕЗОДОРАТОРЫ

для очищения воздуха, писуарные камни, перезарядки и дезодораторам и камни от моли

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ по адресу: Ленинград, Загородный пр. 9, ЭПО Осавиахима.

ГРАФОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ и ПОДРОБН. ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ХАРАКТЕРЕ (сильных и слабых сторон его), УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЯХ и ВОЛЕВОМ РАЗВИТИИ — ПРОИЗВОДИТСЯ НА ОСНОВАНИИ АНАЛИЗА ПОЧЕРКА. Как учредением, обществ. организациям, так и частным лицам. Для получения характеристики след. лица в несколько строк обычным почерком на любом языке и безразлично что, а также указать свой точный адрес.

Оплату в сумме 5 руб. высылать при заказе переводом по адресу: Москва, П.О. 9. Аб. ящ. 1242 О. „ИНОСНИ“.

Конверт с почерком и для анализа прикрепить и переводу.

по новейшей диагностической методике.

Характеристика составляется графологом-экспертом Д. М. Зуевым-Исаревым и графологом-консультантом Л. М. Кожеваткиным. Книга Д. М. Зуева Исарова „Почерк и Личность“ с характеристиками и отзывами г.г. Луначарского, Семашко, Максима Горького, Анри Барбюсса и ряда др. высылаются по особому запросу открытой с обратным ответом.

ВЫЗОВ ВРАЧЕЙ НА ДОМ

ЛЕЧЕБНИЦА (ПОЛИКЛИНИКА) ВСЕРОБОПМА

ОХОТНЫЙ РЯД, 3 (у Дома сорозов). Телефон 1-52-86 и 3-38-67
Прием врачами-специалистами всех граждан по всем специальностям с 8 часов утра до 9 часов вечера

ЛАБОРАТОРИЯ (все виды медицинских анализов).
РЕНТГЕН. ЭЛЕКТРО-СВЕТОЛЕЧЕНИЕ.
ХИРУРГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ (ортоп., туб. костей, исправление дефектов лица, челюстей, неба, носа).
ВНУТРЕННИЕ БОЛЕЗНИ (туб., бол. сердца, сосуда, бол. обмена веществ, бол. желудка и кишок и пр.)
ЗУБОВРАЧЕБНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ (протезирование)
ГИНЕКОЛОГИЯ и АКУШЕРСТВО (профилактика).
НОЖНО-ВЕНЕРИЧЕСКОЕ и УРОЛОГИЧЕСКОЕ мочеисп. отделение. **ЖЕНСКАЯ ГОНОРЕЯ.**
Консультация и прием профессоров ежедневно.

Народный Комиссариат Здравоохранения УСРР
и Харьковское Медицинское Об-во.

ВСЕУКРАИНСКИЙ ИНСТИТУТ ЭНДОКРИНОЛОГИИ
и ОРГАНО-ТЕРАПИИ

Харьков, ул. Артема, 10-12

ВЫРАБАТЫВАЕТ ФОСФРЕН

(ФОСФОР ДЛЯ МОЗГА)

в таблетках, содержит: лецитин, гематоген, финтин, железо, кальций. **ФОСФРЕН** показан и применению при чрезмерной умственной и физической работе, при умственном переутомлении.

Способ применения при каждом приеме.
Продажа во всех аптеках и магаз. сангигиены СССР.

САМО-УЧИТЕЛЬ ПЕНИЯ

Вокально-муз грамота. Постановка и развитие голоса. Техника дыхания. Начальные упражнения. Цена 4 р.

САМОУЧИТЕЛЬ ИГРЫ НА СКРИПКЕ

Нотная грамота, наставления, упражнения и ноты. Цена 3 р. 75 к.

ПОЛНАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА ДЛЯ ХОЗЯЕК

Кни из любых имеющихся продуктов можно готовить разнообразные, сытные и вкусные блюда, также тесто и изделия. Множество полезных советов. Цена в перес. 3 р. Киев, Кооп. т-во „Логово“, улица Вороньского 24/3, ящик 121.